

От автора

Дорогой маленький читатель! В этой книжке ты познакомишься с героем, которому исполнилось девять лет. Это так мало, если считать по пальцам!.. А мало ли в самом деле?

Как живёт этот обыкновенный мальчишка, какие совершал он шалости и творил добрые дела, сколько было правильных решений и ошибок, просчётов в его поступках — об этом я и попытался рассказать тебе.

Я взял из жизни моего героя Петьки только те эпизоды, которые, как мне кажется, могут заинтересовать тебя, чему-то научить. Мне мой герой очень нравится. И многие проказы я ему простил — да и как не простить, ведь он сам в них признался...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Петьку разбудил петух — раскукарекался, да так громко, что пришлось встать и прогнать его. Было воскресенье, в школу не идти, но снова в постель Петька не лёг, вспомнил о своих делах.

Каждый год в день рождения он сажал у дома деревце. Так они решили с отцом. И теперь ему предстояло посадить девятое дерево, потому что в этот день ему исполнилось девять лет.

Петька родился в середине апреля, в самый разгар весны, когда можно пахать, сеять, сажать деревья. Отец когда-то сказал, что весной рождаются только великие люди, но чтобы стать великим, надо ещё всегда работать и хорошо учиться, не знать ни в чём лени. Петька понимал, что отец шутил: и весной не все великими рождаются. Васькин отец, Длинный Перекур, тоже весной родился, а никакой он не великий, только курит всегда. Стать великим Петьке хотелось, но он на это не надеялся и жил обыкновенной жизнью.

День был погожий, солнечный. В полях уже тарахтели трактора, пахали землю. Петька взял с собой хлеба, лопату и направился к лесу. Он хотел позвать друга Ваську, братьев Комариков, но не пошёл за ними, не стал терять на сборы время, а сразу направился за огород и вышел на луг.

На лугу было так просторно, что Петька остановился и стал смотреть по сторонам, словно попал в незнакомые места. Зимой луг был тесный, забитый снегом, а теперь кругом занималась зеленью земля, краснели первые листочки щавеля.

Лес стоял ещё голый. На дубах держалась прошлогодняя сухая листва, да на осинках зеленела кора. По кустам и деревьям сновали птицы: чиликали, пересвистывались.

«Это они потому поют, — подумал Петька, — что у меня день рождения».

Он стал приглядывать себе деревце. Дубок у него уже рос. Отец посадил жёлудь, из которого вырос дубовый росток. Теперь дубок поднялся почти с Петьку ростом, но не перегонял его. Другие деревья сразу вытянулись. И кленок вытянулся, и берёзка, а тополь с раkitкой так разрослись, словно посадил их не он, а кто-то другой давным-давно.

Вокруг Петьки и над ним носились дрозды с таким криком, будто их щипали живьём. Петька нашёл без труда несколько дроздиных гнёзд. Одно было совсем низко над землёй на согнутой осинке. Он встал на пенёк и заглянул в гнездо. Там лежали четыре яичка.

— Эх, глупые, не нашли рогатуюльку повыше для гнезда, — сказал Петька. — Я вас не трону, а кто-нибудь придёт и разорит гнездо ваше. — Птиц Петька любил. Он знал, какую пользу они приносят всем.

Петька вышел на полянку. Здесь росла рябинка отдельно от больших деревьев.

— О, а рябину-то я ещё не сажал, — обрадовался он. — Сейчас я тебя и заберу. Ты не бойся. У нас хорошо будет, не скучно. Ночью электричество горит.

Петька вырыл рябинку с большим комом земли и понёс домой.

— Эх, ворона, мешок-то я забыл, — вспомнил он. — Земля вся растрясётся. Отец мешковиной корни обвёртывает. Спешись — всегда себе на вред. Придётся рубаху снимать.

Петька стянул рубаху, обернул ею корни рябинки и пошёл дальше. Теперь можно было идти быстрее, закончить начатое дело и праздновать. Ребята небось носятся по деревне, приходили за ним. Солнце грело уже так, что и без рубахи Петьке стало жарко. У деревни, словно из-под земли, вырос перед ним дед Пальчик.

— О, Петюшка, ты уже в работе? Да приморило-то тебя как! Видать, далеко ходил.

— Нет. Это я спешил. А солнце, как летом, — сказал Петька.

— Положи ношу-то. Отдохни. Поговорим, — предложил дед Пальчик. — Я вижу, ты с лопатой в лес направился, подумал: за деревцом пошёл малой. Решил вот совет тебе дать, как сажать надо деревья-то.

— А я умею уже, — ответил Петька. — Ямку вырою, посажу, воды налью и засыплю корни землёй.

— Ну, можно и так, только это ненадёжно. А я сколько деревьев пересажал, ни одно не усохло. Так ты прежде глинки принеси, смешай её с землицей и разболтай на воде, как кисель. Перед посадкой в этот самый кисель и помакай корешочки, а потом в ямку, засыпал и полил.

— А зачем так? — спросил Петька.

— Глинка облепит корни, влагу им будет подавать лучше. В земле-то вода не задерживается, а глина скапливает её, дольше хранит.

— Понял. Так и сделаю. Спасибо, дедушка. Приходи ко мне на праздник. У меня день рождения!

— Ну-ну, приду, — ответил дед Пальчик. — Бабке своей скажу за мастерскими приглядеть, а сам приду. Праздники я вот как люблю.

«ВКУСНОЕ» ОДЕЯЛО

Ко дню рождения Петьке было приготовлено любимое его кушанье — пенки. Не какие-нибудь от варенья пенки, а молочные, в ряженке. Собирались они для Петьки целую неделю. Сначала кипятилось молоко, потом пенки складывались в горшок и заливались топлёными сливками. ..

Петька заглянул в горшок и глаза закрыл от удовольствия, у него даже голова закружилась. А когда-то Петька не любил пенки, даже смотреть не мог на них. Если его насильно заставляли есть, он орал и отбивался. Родители удивлялись, что такое делается с ребёнком. А бабушки решили, что у их внука «сглаз», болезнь такая непонятная: позавидует кто, что ребёнок ест хорошо, у него аппетит и пропадает!

Отчего Петька не любил пенки — осталось неизвестным, а полюбил он их вот как. Однажды он провинился и получил за провинность должное. А дело было перед ужином. Обиженный на всех, Петька спрятался в малинник, в тайное место и уснул там. Сквозь сон он слышал, как его звали ужинать, но он не откликнулся и уснул голодным.

Ночью Петьке стало холодно; он шарил вокруг руками, искал одеяло, пытался прикрыться колючими ветками малины и тогда же во сне почувствовал, что вдобавок сильно хочет есть. И ему приснились огромные царские залы с накрытыми столами. Он один сидел за кушаньями, а сам царь стоял за его спиной и спрашивал:

— Пётр Иванович, не изволите ли ещё чего откусать? Мы живо сготовим для вас.

— Подожди маленько, — отвечал Петька. — Некогда думать, что я хочу откусать. Похлёбкой червяка заморю, потом скажу.

— Как вам угодно, как угодно, Пётр Иваныч, — кланяясь, отвечал царь и размахивал над Петькой опахалом, нагонял прохладу, хотя и без того было холодно.

Всего наелся Петька, вылез из-за стола и сильно-захотел спать. И лишь он зевнул, как тут перед ним снова оказался царь и спросил:

— Что теперь пожелают Пётр Иваныч?

— Спать хочу, — сказал Петька бесцеремонно и снова зевнул, ещё шире раскрыв рот.

— В покои извольте, в покои. — Царь поклонился в пояс и, указывая рукой на дверь в каменной стене, добавил: — Там для вас ложе сготовлено с особым одеялом.

— С каким ещё особым? — спросил строго Петька.

— А из молочных пенек, Пётр Иваныч. Извольте входить и не обессудьте. Лучшего ничего не придумали мои слуги.

Петька было засопровтивлялся, но его грубо схватили сзади. Он увидел вместо царя человека в красной одежде, услышал чей-то голос: «Палач!» — подчинился сразу и оказался на мягкой постели под одеялом из пенек.

Палач взял угол одеяла, заткнул им Петьке рот, чтобы он не бунтовал, и ушёл, громыхнув дверью.

Петька вначале провалился в глубокий сон, потом почувствовал, что стал задыхаться. Он сжал зубы и, к своему удивлению, вдруг откусил угол одеяла. Он хотел выплюнуть его, но во рту оказался такой приятный вкус, что он невольно разжевал весь угол и проглотил. Ему захотелось откусить от одеяла ещё кусок. Но показалось, что под дверью кто-то топчется. Он схватил второй угол одеяла и затолкал его в рот сам. Палач ничего не заметил.

В спальню никто не вошёл. Солнце проникло в царские покои, когда Петька дожёвывал последний клочок одеяла и думал, что надо таких одеял делать побольше. И выспишься под ним, и сыт будешь...

Тогда же Петька и проснулся. Он спал в сарае на своём месте. А как попал в сарай из малинника — не помнил, а спросить было не у кого, все уже ушли на работу. Петька не знал, что ночью отец разыскал сына в кустах и отнёс в постель, а мать накормила его, сонного, пенками.

Полежав, вспоминая сон, Петька почувствовал пустоту в животе, вскочил и пустился в дом. И лишь переступил порог, уловил вкусный запах: в печке томилось молоко.

«Пенки, — подумал Петька и загремел поспешно заслонкой. — Одеяло во сне было из пенек, вкусное. Попробую, какие они есть на самом деле».

С тех пор Петька удивляется, почему он когда-то не любил пенки. «Всё оттого, наверно, — решил он, — что маленький был, непонятливый». Теперь он готов принимать по горшку пенки хоть каждый день, а не только по праздникам.

СЕМИБЕРСТНЫЙ ЛАПОТЬ

Дед Пальчик был самым низеньким человечком в Маленке и самым знаменитым. Он всю жизнь сторожил трактора и машины. Ни одной пропажи при нём никогда не случалось. За это его хвалили всегда на колхозных собраниях, а однажды дали почётную грамоту и сфотографировали в газету. На собраниях ему ставили самый высокий стул, и сидел дед Пальчик всегда чуть-чуть выше других, чтобы всё ему было видно. А когда он собирался что-нибудь сказать и порывался встать со своего сиденья, его останавливали, говорили: пусть высказывается сидя, его и так будут слушать внимательно, потому что он уважаемый человек в деревне.

Петька часто ходил к деду Пальчику слушать его рассказы про старину-матушку, про злой и добрый люд. А подружился Петька с ним тогда, когда был ещё маленьким, не умел читать, но был очень любопытен и мог по деревне расхаживать самостоятельно, потому что знал, куда можно соваться, а куда нельзя.

Знаменит дед Пальчик был не только тем, что сторожил трактора и машины. Делал он из различных древесных шкатулочки точёные, свистульки многоголосые, трещоточки ступенчатые, птушек-поклевушек, певунов-драчунов, проказников-древотазников, коз с козлятками, бабушек с малыыми ребятками, царей-королей и Иванушку-дурачка. И всё, что ни делал дед, — всё людям хорошим отдавал.

Инструментов особых у него не было. Ножичек кривой да долотцо с корытцем и брусочек. И какую ни возьмёт дед палочку или чурбашечку — оглядит её так и этак, повертит, покрутит и начнёт точить-резать. Глядишь — драчливый петушок из чурбашечки выходит. Смотришь на такое чудо — рот от удивления раскрывается. А дед Пальчик только улыбается и сам дивится: он ли это выточил, как смог?

И Петька однажды попросил деда:

— Дедушка Пальчик, научи и меня строгать!

— Научить, милоч, нетрудно. Да только в этом деле сноровка нужна.

— А где её берут? — спросил Петька. — И какая она?

— А она такая, что никакая. И там её берут, где лыко дерут!

Петька почесал за ухом, сказал:

— Я умею лыко драть! Весной ракички обдираю и из коры рожок делаю!

— Настоящее лыко в липовом лесу дерут, — сказал дед Пальчик. — Оно на верёвки, на лапти идёт, а дерево — на порезки разные.

— А зачем лапти делают? — поинтересовался Петька.

— Лапти плетут, — поправил дед Пальчик. — Раньше их плели, чтобы носить, а теперь на музей посылают да на театр.

— Дедушка, а мне можно научиться лапти плести?

— Это всегда пожалуйста! — обрадовался дед Пальчик. — У меня и лыко припасено, и свайка найдётся. Дело только за учениками!

Петька помчался к другу Ваське. Васька был дома, делал себе рогатку.

— Васька, бросай всё, побежали! — крикнул Петька. Васька положил рогатульку, нож и спросил:

— Куда бежать-то?

— Потом скажу. Дело есть! Мишку тоже возьмём... и Витьку... и Комариков...

Петька привёл ребят на стоянку машин, сказал деду Пальчику:

— Вот, дедушка, привёл всех. Учи нас.

Дед Пальчик успел сходить домой, пока Петька бегал за друзьями, принёс свайку, лыко. Оно баранками плавало в ведре с водой, мокло.

— Петь, что будет? — зашептал Васька. — Ты обещал сказать.

— Учиться будем!

Дед Пальчик осмотрел ребят, словно впервые встретил их, никогда не отпугивал от машин, не кричал, чтобы они сторонились этого места, и велел сесть. Ребята сели, но радостный был один Петька, а все вдруг заскучали.

— Так зачем пришли-то? — спросил дед Пальчик, суетясь и поглядывая на дорогу.

— Учиться, — ответил за всех Петька. — Лапти плести учиться.

— Ах, да. Насчёт лаптей... Так тут такое дело: лык-то у меня на одну пару только сохранилось. Чередоваться придётся.

Дед снова посмотрел на дорогу. Никто ниоткуда не шёл, не ехал. Из мастерских все разошлись на обед.

— Терпение есть? — спросил дед Пальчик.

— Есть, — ответил снова за всех Петька.

Дед взял нож, лыко из ведра и разрезал его на узкие полоски, убрав сучки и прочие выступы.

— Значит, сперва надо сделать циновку. Тут важно иметь строгий глаз, чтобы полоска в полоску приходилась. Держите-ка, а я буду циновать.

Ребята схватились за широкий скользкий конец лыка. Петька проговорил:

— Прямизна-кривизна. Пошли-поехали — не догонишь.

— Не догонишь, не догонишь, — подхватил дед. — Лапоть не каждый одинаков. Бывают лапти, бывают бахилы. Бахилы и полегче и покрасивше. Их-то мы и сплетём. Начинаются они таким манером.

Дед Пальчик взял несколько лык, сложил их и стал переплетать.

— Бахилу начинают с пятки. Заложили пятку, ведут подошву, а потом загибается головашка.

— Головашка! — удивился Васька и стукнул по голове Мишку. — Вот тоже головашка!

— И вот тоже она ж-ка! — ответил Мишка.

— Эка сцепилась кукарека, — сказал дед Пальчик. — Лапти плести — не сметану есть! — И он строго посмотрел на ребят. — Работа ручная, работа скучная. Будешь шевелиться вяло, заработаешь мало.

Работа правда была скучная. Братья Комарики стали зевать. Васька одному сунул в раскрытый рот палец, тот тяпнул его — да так, что Васька подскокил и завопил.

— Учёба кончена, — объявил дед Пальчик. — Завтра утром пойдём дальше.

Ребята с радостью разошлись. Один Петька остался.

— Дедушка Пальчик, а можно, я сам поплету?

— Поплети, — ответил дед Пальчик. — Так-то оно вернее будет. Дурака не выучишь и с кулака. Ему любая наука не в руку. Умной головушке наука, как песня соловушке, от ума даётся сама.

Дед Пальчик оставил Петьку, ушёл приглядывать за машинами. Время катилось на вечер, поспешало, повело с работы народ и машины погнало на ночную стоянку. У мастерских слышались разговоры, люди делились новостями и своими успехами, а Петька всё плёл лапоть, гнал ступню, огромную, великанскую — плёл, пока лыки не кончились.

На другой день, как только солнце встало, Петька был уже у деда Пальчика. От травы в белой росе шёл холод, скотину ещё не сгоняли в стадо.

— Экую рань тебя пригнало! — подивился дед. — От работушки заботушки спать не велят. Лыко я замочил, а с занятием нашим погодить следует. Разойдутся люди — наша пора настанет.

— А ребят позвать? — спросил Петька.

— Ты незванным идёшь, а их надо ли оповещать? Скотина на корм и та сама идёт.

— На корм и они прибежали бы, — сказал Петька, — а тут работать.

— Работой и кормится человек, — ответил дед Пальчик. — Не зови, поглядим, каковы они на самостоятельность.

Когда затих шум машин и тракторов и все увлеклись работой, дед Пальчик приступил к обучению Петьки. Ни Васька с Мишкой, ни Витька с Комариками не явились на учёбу. Они были убеждены, что лаптей им никогда не носить: у них есть и ботинки, и сапоги, и валенки, и кеды, а наука эта им лишняя.

Дед Пальчик посмотрел на вчерашнее Петькино плетение, покачал головой, подумал, расплетать ли и делать нормальный лапоть, но пощадил Петькино старание, оставил.

— А пусть-ка наш лапоток будет не в один локоток, а станет семивёрстным, — сказал дед.

Летний день долог, но и его не хватило на лапоть. Плёл сам учитель, плёл ученик, а дело к концу не пришло. Петька старался не смотреть на ребят, которые играли невдалеке, работал усердно, познавал дедовскую науку. Лишь на третий день они обрезали кончики лык, проделали верёвки и облегчённо вздохнули.

— А теперь что? — спросил Петька.

— Теперь награда тебе вот за усердие, — сказал дед Пальчик и протянул Петьке плетённый из лыка ларчик.

— Вот это да! — удивился Петька, осматривая ларчик. — Спасибо, дедушка!

— Тебе спасибо, что наукой моей не побрезговал. Сплетёшь лапотов — а потом и ларчик искусный изобретёшь. За любое дело берись и впредь, время трать с разумом. Сейчас у тебя его много, а с годами станет меньше и меньше, тогда уж на науки его хватать не будет.

— А куда оно денется? — спросил Петька.

— Потратится на пустяки. Время — оно, милоч, такое: то горой перед тобой, то крупницей. Вот когда горой, ты его и бери на пользу себе и людям.

— Дедушка, а куда мы лапоть денем? — спросил Петька.

— Обмозговать надо, куда определить. Коли мы его сработали, то зря не валяться ему, — ответил дед Пальчик. — Вот клубу его подарить бы, украсить уголок. Пусть люди любят и предков своих вспоминают. И в лаптях богатыри росли, за нашу Русь-матушку на ворога ходили, счастье-долю нам сберегали.

— Ага, — согласился Петька и спросил: — Дедушка, а ларчик?

— Ларчик пускай при тебе будет. В нём сказки хранятся. Будет твоей душе неладно, приложишь ушко к нему да сказку добрую послушаешь — и солнце перед тобой во весь жар свой запылает, путь тебе далеко-далеко осветит, а ты пойдёшь по тому пути, пойдёшь себе, а оно всё-то будет светить...

СЕСТРА МИЛОСЕРДНАЯ

Петькина сестра Маришка не похожа на всех других сестёр, особенная. Когда она доросла до кукол и научилась в них играть, то выбрала себе одну на всю жизнь заботу — занялась лечением. И с той поры у неё не было здоровых кукол, все-то они болели и находились постоянно в перевязках: у одной — ножка в бинтах, у другой — ручка, третьей нельзя вставать с постели, выходить на улицу. И всегда у неё были одни хлопоты: лекарства подавать, с бинтами возиться. За это Маришку прозвали Сестрой Милосердной.

Когда Петька подрос, Маришка отступилась от кукол, перенесла заботы милосердия на него, стала украшать его бинтами, словно он был вечно раненым. Поведёт она его за собой по деревне, люди видят Петьку в повязках, спрашивают, что с таким маленьким случилось да как, а Маришка и рассказывает разные приключения: то будто Петька с лестницы упал, ногу ушиб и хромает (а Петька и впрямь прихрамывал, когда была перебинтована нога, и всем говорил, что больно ему ножку), то собака его за руку тянула, то нарывы у него, то ожоги, а бывали и сильные простуды в жаркую погоду, и он томился закутанным в тёплую одежду.

Играть Маришка любила только с мальчишками, потому что они всегда играли в войну, где на её заботы хватало раненых, и она устраивала для них госпитали.

В школе Маришка с первого класса выбиралась санитаром. Дежурила она так, что грязнулям от неё не было никакой пощады. Собирала она их и водила отмывать на ручей грязь с шеи, рук, ушей, а то и ноги смотрела (иные прямо на немые ноги натягивали носки, делали «гряземаскировку»). Неряхи не любили Маришку, называли её зло «Милосердихой», но прозвище это не прижилось, потому что труд её был полезный и за него ей грамоты давали и подарки. Ребята приучались к чистоте и забывали обиду на Маришку.

Из восьмого класса Маришка ушла учиться на настоящую медсестру и стала лечить в Маленках всех старых и малых, возить им из города лекарства. Деды с бабками стали называть её Сестрой Милосердной.

Петьке теперь вовсе не стало покоя. Бежит он куда-нибудь по своим делишкам, а ему кричат навстречу:

— Петюшка, голубчик, погоди!

Остановится голубчик Петюшка — собьётся с бега и с мыслей, что иногда и не скоро вспомнит, куда и зачем бежал, — слышит:

— Скажи, родименький, Сестрица Милосердная не явилась домой?

— Не явилась, — ответит Петька. — Она субботой является, а воскресеньем отъявляется. А что, баб?

— Ой, да занедужила я, соколик ты мой. Одна Сестрица Милосердная только и сможет вызволить меня. Скажи ей, как явится.

— Скажу! — кричит Петька. Он уже знает: надо сказать, что бабка Евлампиевна помирает, велела полечить её прийти.

Но не пробежит Петька и двух домов, как слышит:

— Вижу, Петрушка, Евлампиха тебя держит, дожждаться решил, спросить. Не явилась Сестра Милосердная?

— Нет, — отвечает Петька. — Я скажу ей...

— Скажи, сердешный. Только раньше за меня скажи. Прокричит Петька ответ, понесётся вперёд, а к нему снова:

— Петрунюшка... А дальше:

— Пётр, сын Иванов, скажи...

Петька только успеваешь отзываться и отвечать. И бывает так, что время упустит, не попадёт на важное какое дело.

Сестра Милосердная по субботам едет до Медведок автобусом, оттуда добирается в Маленки как может. Петька всегда её встречает и сразу даёт ей полный список всех наказов.

Вздумалось однажды Петьке на крышу взобраться и с крыши на округу посмотреть. Вздумалось — и полез.

Лестницы у дома не было, а крыша высоко от земли. Правда, до карниза Петька взобрался по углу каменных сенец, но перелезть на железную покатую крышу, нависавшую над стеной и карнизом, побоялся. Руками зацепишься за край — ногами до каменной стены не дотянешься, будешь висеть и болтать ногами по воздуху...

Петька, конечно, знал, что можно легко перебраться на дом с соломенной крыши хлева, но там его могла заметить мать через окно, выходявшее во двор, и кричать, что он разбивает на крыше солому. А отказаться от своей затеи Петька был не в силах.

Стояла весна. Жёлтым цветом опушились на ракишках серёжки. Скворцы распевали у скворечников. Гомонились всюду воробьи. На больших деревьях кричали грачи. Небо высокое, синее казалось замороженным молодым ледком.

— Евлампиха помирает совсем, велела полечить. Катеринушка хворает. Дед Тентель рассохся тоже...

Часто Петька говорит больше адресов, чтобы Сестра Милосердная подольше походила по дворам и у неё не осталось времени слушивать его грудь и спину, проверять прямопу позвоночника, слух, зрение, горло и давить на печень.

Иногда с ней приезжает её подружка. Они вдвоём обходят больных, дают советы. Вдвоём у них обход бывает коротким, и тогда Петька сбегает куда-нибудь, отсиживается допоздна, а потом притворяется уставшим, не стоит на ногах, засыпает сидя — и его освобождают от осмотра до утра. Утром Петька просыпается рано, пулей вылетает из своей спальни — и ищи ветра в поле! Приходит домой, когда сестра уйдёт к автобусу на Медведки.

... Хочется Петьке иногда поболеть, отдохнуть от школы. Но никакая хворь к нему не пристаёт, словно боится Сестры Милосердной, и Петька завидует ребятам, у которых нет такой сестры и которые болеют...

Петька ещё раз обошёл дом и убедился, что снаружи ему на крышу не попасть. Тогда он тихо пробрался в хлев, осмотрел крышу и нашёл в ней просвет. Потом по лестнице поднялся к дыре, раздвинул подрешетник, солому и высунул голову наружу.

На соломенной крыше сидели и грелись красные бабочки. Они то складывали, то раскладывали крылышки... На ракижку через крышу летели пчёлы.

Петьке сразу стало хорошо, он вылез через дыру на волю и по толстому перемёту перешёл с хлева на дом. От первого шага железо громыхнуло, испугало его, тогда он встал на четвереньки и по-кошачьи, переступая осторожно с гребешка на гребешок, бесшумно добрался до конька. Встал и осмотрелся.

Простор ошеломил Петьку. Ему захотелось вдруг полететь над землёй, захотелось, чтобы у него отросли крылья. Он даже оглянулся через плечо, будто надеялся увидеть вместо лопаток эти самые нужные для полёта вещи...

Деревню всю затопило жёлтым ракитовым цветом. Сады были живые, солнечные, не чернели, как зимой. Поля зеленели озимыми. За полями виднелся горизонт, где, как считал Петька, был край земли. Ему захотелось дойти до того земного края, свесить голову и посмотреть, что там внизу. Он подумал, что внизу, наверно, плещется море или океан и плавают страшные акулы и крокодилы...

*

Петька пробрался к трубе, подержал над чёрным закопчённым колодцем руку. Из печи выходило тепло. Он нагнулся и понюхал. Пахло вкусными мясными щами. Мать его умела всё варить вкусно. Ему захотелось есть, но с крыши спускаться было жалко.

Из трубы вдруг повалил густой желтоватый дым и потянулся высоко-высоко в поднебесье. И там наверху, в небесной синеве, чистой, как ледышка, темнели точечками жаворонки. Глаза Петькины видели очень далеко и сильно (от зелёного лука у него «острилось» зрение), и теперь Петька видел, как трепыхали жаворонки крылышками. Они были похожи на чёрные звёздочки. И мерцали, словно звёзды.

«А что, если, — подумал Петька, — что, если я сяду на трубу? Поднимет меня дым в небо или нет? Я рубаху расставлю! Она надуетса дымом — и я полечу...»

Петька посмотрел ввысь, туда, где кончался дым. «Полечу!» — решил он — и сел на трубу. Она была горячая, но Петька стерпел. Он поднял к небу лицо, прищурил глаза, чтобы не страшно было лететь. Ему даже показалось, что его уже раз приподняло.

— Один, — начал считать он. — Д-д-ва, три!

И в этот момент Петька услышал страшные крики. Что-то в доме громыхнуло, выбросилось в сени, забегало, затопало, заголосило, будто при пожаре. На дорогу полетели подушки, одеяла.

— Ой, ой, горим! — услышал Петька. Это кричала Маришка.

На чердаке вдруг раздался голос отца:

— Замолчать, что панику подняли? Никакого пожара нет. Трубу чем-то перекрыло.

— Не кошка ли свалилась, — сказала в сенях мать. Петьке смешно стало. Он принялся болтать ногами, смотреть по сторонам. По улице ходили люди и не видели его — видно, принимали за трубу. Вдруг Петька услышал, как отец приказал сестре:

— Маришка, взгляни на крышу!

Маришка выбежала на дорогу, взглянула на трубу — и у неё подкосились ноги.

— Ты... ты... ты?. — залепетала Маришка.

— Нет, не я, — засмеялся Петька. Маришка вдруг крикнула:

— Папа, это он! Он!

Петька соскочил с трубы, прогремел по железу и ухнул с крыши в хлев. Он мягко шлёпнулся и по пояс погрузился в навоз.

— Что там прогремело? — спросил отец.

— Он на трубе! — кричала Маришка.

— Кто он-то? — спросила мать. — Скажи толком.

— Да он же, он, — повторяла Маришка. — Сидел на трубе. Сама видела.

*

Петька выбрался из холодного навоза, шмыгнул в подворотню. Он слышал, что все кинулись за Маришкой в хлев, рванул через дорогу, сбежал к пруду, искупался, переполоскал одежду и повесил сушиться на ракитовый куст.

И пока всё сохло на солнце, он лежал на траве, смотрел в небо и думал, почему же его не подняло кверху...

ДЛИННЫЙ ПЕРЕКУР

Васькиного отца звали Пантелеем, а человеком он был особенным. Он очень любил курить, и за это его звали Длинным Перекуром. За глаза, правда, звали, но потом забыли его настоящее имя, привыкли к прозвищу Курил Пантелей днём и ночью, курил в погоду и непогоду, курил за работой «на отдыхе»; хотя, когда курил, то и не работал, и выходило, что главной его работой было курево. Сядет он на пень или на бревно и смолит, смолит папиросу за папиросой и смотрит в землю, а перед обедом и ужином — на солнце или на часы, чтобы еду не прокурить.

Петька как-то заинтересовался этим человеком и спросил у друга:

— Вась, а ты отца своего любишь? Васька, не думая, ответил:

— Нет. Я матерю люблю. Он только курит — всех продымил табачищем. Твой отец вот не курит, тебе хорошо.

— Ага, — ответил Петька, — мой не курит. А твой почему всегда курит?

— А не знаю, — ответил Васька. — Мать говорит — от лени, а дедушка сказал, что он ушибленный.

— Как — ушибленный? — спросил Петька.

— А не знаю. Дед говорил, что его маленького поймали с табаком и бить стали, вот и ушибли; он не бросил, а стал всё время смолить.

— Ну, Вась, это неправда, — возразил Петька. — Это тебя обманули. Ты у него спросил бы у самого.

— Спрашивал, — ответил Васька, — а он ругается.

— Вась, а хочешь, я спрошу?

— Он тебе спросит, — ответил Васька. — Ты лучше с ним не связывайся.

Петька не внял советам друга — наоборот, его сильнее взяло любопытство, и он стал присматриваться к Васькиному отцу, выяснять, с чего он курит. Спрашивать об этом он не решился: наверное, все у него об этом спрашивают, надоели, и он на всех злится.

Петька придумал одну хитрость: он решил подружиться с Длинным Перекуром, с Васькиным отцом, а дружба между собой тайны не держат, сам расскажет.

Однажды в воскресенье он заметил Длинного Перекура у колхозного сарая. Тот сидел на тележной оглобле и курил. Петька разбежался и прямо перед ним нарочно споткнулся, растянулся на траве и заканючил, зажав коленку.

— Куда же ты несишься? — спросил Длинный Перекур. — Голову так сломить можно.

— Не знаю куда, — ответил Петька, сморщившись так, словно у него слезла кожа с колена или отпала коленная чашечка.

— Не знал, чего же энергию тратил? Надо беречь энергию.

— Беречь-беречь, как её беречь? — спросил Петька, глядя коленку.

— Придумай как, — ответил Длинный Перекур. — Вот и мой бузотёр гоняет без дела...

— А он где? — спросил Петька.

— Это мне никогда не известно и надобности нет знать, — ответил Длинный Перекур. — Своих забот позарез.

— А каких? — спросил Петька.

— Разных, — ответил он и, зевая, широко раскрыл рот.

Зевал Длинный Перекур долго и протяжно, мычал и стонал. А когда закончил зевок, то так страшно и громко гавкнул, что Петька от испуга прыгнул в сторону и упал.

Длинный Перекур захлебнулся от смеха. От папиросы посыпались искры, а из ушей и глаз повалил дым. Петька тоже засмеялся.

— Э-эх, смельчаки, — произнёс Длинный Перекур и опять засмеялся. — На воробьев вам только охотиться с такой смелостью.

Петька прослушал его изречение и прыснул. Длинный Перекур засмеялся следом за ним.

— Я думал, что крокодил рывкнул, — сказал Петька. — Так страшно, аж коленки подкосились.

— А я смотрю: стоял опёнок — и нет его, лежит уже.

Петька снова прыснул. Длинный Перекур захохотал опять и замахал руками.

— А Васька тоже боится? — спросил Петька. Длинный Перекур не смог ответить от смеха, но лишь он остановился и перевёл дух, как Петька снова рассмешил его и смешил, пока тот не обессилел.

— Всё, всё, конец, — заявил тот. — Живот надорвётся. Больше у тебя ко мне дел нет, дай мне занятие найти.

— А чего делать? — сказал Петька. — Курить лучше.

— Оно, разумеется, лучше. — Длинный Перекур запыхтел папиросой, зачмокал губами и проглотил весь дым, не выдохнув ни дыминки. Он опять задумался и уставился в землю взглядом.

— Я побегу, — сказал Петька. — На одном месте скучно сидеть.

— Скучно, — подтвердил Длинный Перекур. — Надо и мне куда-то руки девать.

— А куда вы их денете? — спросил Петька.

— В том и беда моя, что не знаю куда. Болтаются, мешают — морока только от них. Если ещё и не курить...

— Правда, какие-то они лишние у вас, — сказал Петька. — Ладно, куда-нибудь побегу. Найдётся мне дело.

— Беги. Тебе хорошо. Ты можешь бегать, а тут вот сиди.

— А мой отец всегда говорит, что ему рук не хватает, — сказал Петька. — Можно ему отдать лишние. Только потом курить нечем будет.

— Э-эт-то ещё разговаривать! — рывкнул Длинный Перекур и, затягиваясь, выкатил на Петьку глаза.

Петька подхватился и засверкал голыми пятками. Длинный Перекур остался на месте, от прогоревшей папиросы прикурил новую да так и остался при безделии, занимая руки только папиросами.

А дома у Длинного Перекура в дождь проливалось крышу, потому что всё некогда было взобраться ему наверх и починить её. На перекуры время убивалось.

РЕМЕННАЯ АЗБУКА

Когда Светлана Андреевна приехала в Маленки, поселилась в учительском доме, то стала со всеми заводить знакомства, зазывала каждого к себе в гости. Она привезла с собой много книжек. Когда Петька попал к ней и увидел книги, то решил, что много книг бывает у тех людей, которые очень умные.

У Петьки в доме тоже были книги: у Маришки свои медицинские — и немного их ещё накопилось, у отца — агрономские, с сеялками, тракторами, культиваторами и машинами разными.

Петьке тоже покупали книжки, но они все куда-то подевались, будто их ветром сдуло или дождём смыло. И вот, когда Светлана Андреевна впустила Петьку в дом и показала ему самое главное своё богатство, ему тоже захотелось иметь много толстых больших книжек. «Может, тогда, — подумал он, — я буду самым умным человеком в Маленках».

Петька умел бывать и тихим и шустрым. Когда Светлана Андреевна разговаривала с ним, он был тише воды, ниже травы, словно связан крепкими верёвками по рукам и ногам. Но когда она отворачивалась на минутку или выходила из дома, Петька мгновенно шустрел, схватывал с полки книжку и прятал её под рубаху. Уходил он из дома опять тихим, степенным. Светлана Андреевна хвалила его отцу и матери, говорила, что таких примерных мальчишек она встречает впервые, что из него получится настоящий отличник, что она и не надеялась встретить такого воспитанного и стеснительного человека в Маленках и что Петька порадовал её больше всех.

Петька от таких слов краснел, будто кормовая свёкла на срезе, и говорил, что нет, он никакой не тихоня, это она придумала.

Книжки Петька складывал в сарае, куда перебирался спать, как только наступало лето. Он повесил над постелью кошёлку из-под куриного гнезда и начал наполнять её книжками.

Читать тогда Петька ещё не умел. Знал некоторые буквы, но складывать из них слоги, а из слогов слова было всё некогда и лень. И Петька лишь рассматривал картинки.

Раз от раза полнее становилась кошёлка, и скоро пришлось повесить над кроватью вторую... Теперь можно было начать ждать, когда будешь очень умным, самым умным человеком в Маленках, умнее даже, чем Светлана Андреевна.

Помешал Петьке в этом такой случай.

Однажды утром, когда бывает самый сладкий сон, на него кто-то прыгнул и стал душить. Петька спал, накрывшись с головой одеялом, и поэтому не мог ничего понять. Он попробовал скинуть с себя тяжесть, но не осилил её. От испуга он хотел расплакаться, но потом передумал. Не подавая голоса, тихо выполз из-под одеяла и опрометью выбежал во двор.

На крик выскочил отец. Подумав, что сына испугал какой-то зверь, он схватил палку и кинулся в сарай. Оттуда отец вышел... с кошёлкой в руках.

Петька сразу догадался, в чём дело. На него, значит, свалилась кошёлка с этим бесценным добром, и теперь откроется вся тайна — и ему несдобровать...

Завтракали, как всегда, с шутками. Один Петька дулся, ничего не ел.

Потом все стали собираться по своим делам, кто куда. Отец сказал, что у него на весь день столько работы, что вряд ли и справится с ней.

— А тут ещё одно дело надумал. Хочу сына азбуке поучить!

— Не рано ли? — спросила мать.

— Думаю, что в самую пору, — ответил отец. Петька обрадовался. Значит, о его проделках отец не догадался.

— Пап, а где учить азбуку будем? — спросил он.

— В сарае, наверное, — ответил отец, — чтобы люди честные не видели нашего ученья.

— А почему?

— Им не нужна эта наука, — сказал отец. — Они прошли её давно. Мы с тобой отстали.

— Пап, а ты на работу не опоздаешь? — спросил Петька.

— Ничего. Ради науки можно и задержаться.

Отец взял ремешки, из которых хотел плести кнут для коров, связал их метёлочкой.

— Ну, сын, — сказал он, — пойдём учить азбуку.

Поздно, правда, проходить такую науку, но, может быть, ещё запомнится.

— Запомнится, — заверил Петька. — Я смыслённый.

— Смыслённый, — подтвердил отец, — но надо быть ещё смыслёней.

Они вошли в сарай. Отец сел на низкую скамейку, рядом положил метёлку из ремней, а Петьку поставил у своих ног на колени, велел брать из кошёлки по одной книжке и показывать ему. Петька немного насторожился — не вышло бы какого подвоха, — но отец помешал ему пораскинуть умом, спросил:

— Как, сын, учить будем, по одной буковке или сразу слогами?

— Быстрее чтоб, — ответил Петька.

— Буквами дольше. Пойдём по слогам... Скажи мне, что написано на этой толстой книжке? — спросил отец.

Петька взял в руки книгу. Она была такая тяжёлая, что от её тяжести тряслись руки. В надписи он увидел самую знакомую букву.

— «О» тут, пап, «о».

— Да, есть и «о», — подтвердил отец. — Но надо начинать с первых букв. Какие первые буквы?

У Петьки зачесалась спина, покривилось лицо. Он не знал этих букв. Писать он умел одну — из двух палочек, с перекладиной, а название её забыл.

— Не знаю, пап, — сказал Петька.

— Запомни, — сказал отец. — Это слог «НЕ». Петька лишь рот раскрыл, чтобы повторить, но вместо нужного слога выкрикнул:

— Ой! Пап, ты чего?

Отец больно стегнул Петьку ременной метёлочкой и поправил:

— Не «ой», а «НЕ». Запомнил, какой этот слог?

— Запомнил «НЕ», — быстро ответил Петька, оглянувшись.

— Дальше словами будем учить, — сказал отец и с ударом по тому же, определённом для наказаний, месту назвал следующее слово.

— «БЕРИ», — повторил Петька. Он начал обижаться, и от обиды защипало в носу, просились наружу слёзы.

— И последнее слово «ЧУЖОЕ», — сказал отец и бросил ремни в кошелёк.

— «ЧУЖОЕ!» — выкрикнул Петька и заплакал.

— Не показывай слёз! — сказал отец. — Повтори мне, что мы учили!

— «НЕ» учили, «БЕРИ» учили, «ЧУЖОЕ» учили, — прохрипел Петька.

— А как всё вместе прочитать? — спросил отец.

— «НЕ БЕРИ ЧУЖОЕ!» — отчеканил Петька и заревел, чтобы оградить себя от повторения ременной азбуки.

— Знаешь теперь, что на чужих книжках пишется? — спросил отец.

— Знаю, — ответил Петька. — Не буду больше брать чужое. Никогда не буду!

— То-то же... Положи книгу и занимайся своим делом.

— А книжки куда? — спросил Петька.

— Книжки я верну туда, откуда ты их взял. А это отнеси на место.

Отец подал сыну ремни. Петька поспешил отнести их в дом. Мать встретила его, спросила:

— Что, сынок, отучились?

— Отучились, — дуюсь, сказал Петька.

— А что это у тебя в руке-то?

— Азбука, — ответил Петька и улыбнулся.

НЕ ЖАДНЫЙ И НЕ ЛЕНИВЫЙ

Пошёл Петька на речку ледоходом полюбоваться. Смотрит, а на берегу на ледяной кромке стоит дядька с длинным багром и тянет к себе то бревно, то доску, то корягу... Большую кучу дров наловил и всё вылавливает, вылавливает...

Долго смотрел Петька на этого дядьку, замерзать стал от речного ветра, а тому хоть бы что, знай себе багрит.

«Жадный, — решил Петька. — Все коряжки захватил».

За обедом отец спросил у Петьки:

— Ну, сын, рассказывай, что на реке высмотрел?

— Дядьку жадного, — ответил Петька. — Он все коряги и досочки захватил себе одному.

— Где же он захватил?

— А по речке какие плыли. Он их багром себе захватывал.

— Ну, он не жадный, — сказал отец. — Просто расчётливый, на речке готовые дрова берёт. А в лесу-то их надо купить...

— А что, у него денег нет? — перебил отца Петька.

— Есть деньги, только он бережливый, не хочет зря бросаться трудовой копеечкой... В лесу купи дрова-то, да спили их, да перевези к дому...

— Он ленивый, — снова перебил отца Петька.

— Ленивый не стал бы целый день багром на реке работать. Ленивый лежал бы на диване да на потолке пустую грамоту с утра до вечера читал.

— А какой он тогда? — спросил Петька.

— Наверное, хозяйственный, — ответил отец. — Наберёт он на реке дров, которые ветром нанесло, будет год топить ими печи, а лесные деревья сберегутся... И река чище будет, в корабельные винты топляк не попадёт, аварий меньше случится. Ну, понял, какой этот дядька?

— Понял, — ответил Петька. — А я-то думал, он жадный и ленивый, а он и не жадный и не ленивый.

КОПИЛКА

Всякие желания бывают у людей. У Петьки однажды появилось желание, как он считал сам, очень хорошее. Пришёл как-то Петька в магазин, ни за чем, просто посмотреть на товар и на продавца Василь Василича, как он развешивал конфеты, пряники и всё другое.

Как раз пастух приехал на подводе за покупками. Достал пастух толстый кошель из кармана, выложил на прилавок кучу бумажек и сказал:

— Вот, Василь Василич, считай. Сколько насчитаешь, на всё товару наберу.

Василь Василич посмотрел на Петьку, словно сказал: «Вот, брат, какие богатые у нас пастухи. Сейчас весь магазин скупит». Петька покосил плечами и стал смотреть на мелькавшие в руках продавца бумажки, на косточки, откладываемые на счётх после каждой сотни, насмотрелся, даже голова закружилась. А пастух и не следил за счётх, он ходил по магазину и смотрел на товар, щупал ситцы, смотрел их на свет, откладывал разные ботинки,

сапоги, костюмы, потом посуду, радио, магнитофон поставил к набранному товару, мопед взял.

Петька смотрел на всё и страдал. Ему вдруг тоже захотелось закупить всяких вещей, но у него в карманах были только дырки от камней.

Из магазина Петька ушёл расстроенный, почти заболел, и решил копить деньги. Он нашёл старый бидон из-под керосина, смял на нём горлышко, чтобы туда монета проскакивала, а назад не вываливалась, и загадал :

«Полный накоплю, тогда разобью и пойду покупать вещи. Пускай все смотрят».

И началась у Петьки страшная накопительская болезнь. Стал он искать монеты. Осмотрел подоконники в доме, на шкафу повозился в разных коробочках и банках, в швейной машинке всё обследовал. Нашлось несколько заплесневелых монеток. Бросил их в пустой бидон Петька, погромел. Звук от этих монеток был слабый. Ох, как много их надо сыпать в такую копилку. А где брать? Попросил Петька у отца монеток, а он не дал. У матери тоже лишних не нашлось.

Скучно стало Петьке. Думы всю голову иссверлили. В магазин ходил и в пол смотрел, не обронит ли кто монетку.

До того дострадался Петька, что сны дурные стали ему сниться: то клад он нашёл с золотыми монетами, то подарил ему царь целую казну.

А однажды приснилось, будто всё вокруг состоит из денег: дома и сараи сложены из золотых рублей, печки топят серебряными монетами, в саду на каждом дереве вместо фруктов денежки, а сам Петька — золотой.

Вышел он на дорогу, решил показать себя всем, а навстречу ему бидон-копилка катится с раскрытой клыкастой пастью, хочет и его в себя поместить. Бросился Петька снова к дому. За ним с грохотом бидон несётся, камни от него отскакивают и бьют по пяткам. Не добежал он до дома, споткнулся, разбил свои золотые коленки и от боли проснулся.

— У-ух! — произнёс Петька и увидел у ног Ваську. — Ты чего? — спросил он.

— Чего-чего, забыл, что ли? За грибами собирались. Я по пяткам тебя стучал, стучал, а ты хоть бы что, не просыпаешься.

— Некогда было, — сказал Петька. — Сон смотрелся. Подожди меня.

Петька вскочил, выбежал из сарая, взял в тайнике бидон-копилку и выбросил на дорогу под трактор. В лепёшку размяло гусеницей копилку. Петьке сразу стало легко и радостно, и он побежал в лес вместе с Васькой. Стал Петька жить нормальной жизнью, и страшные сны ему больше не снились.

ТЕЗКИ НАОБОРОТ

В соседней деревне Круглово, где жила бабушка Анюта, Петьку знали все от мала до велика. Он самостоятельно с давних пор ходил к бабушке пешком.

Первое его знакомство было с председателем колхоза Иваном Петровичем, который никогда не сидел дома, а всё катался в машине по всем деревням и в город.

Петька шёл по дороге, смотрел на птиц. Они то убегали от него, то взлетали с обочины и скрывались в хлеба, то перелетали с дерева на дерево.

Цвела рожь, и от неё пахло ржаной пылью. Рожь была высокая и густая. Васильки наклонялись и выглядывали на дорогу. Петьке хотелось спрятаться во ржи, но прятаться было не от кого, и он шёл себе ни ходко ни валко, и думал о птицах, и завидовал, что у них есть крылья.

Вдруг сзади послышался гул мотора. Петька подумал, что где-то летит самолёт, но увидел пыль над рожью и обрадовался: его догоняла машина.

«Хорошо бы грузовая, — мечтал Петька. — Грузовой подними руку, и она остановится, подвезёт. А легковушки вредные».

Машина показалась на дороге.

— У, легковушка! — сказал Петька и зашагал дальше по пешеходной тропке. — Эта не возьмёт.

«Я когда вырасту и буду шофёром, — стал думать Петька, — то всегда буду останавливаться, если кто на дороге встретится».

Он шагал не оглядываясь и не заметил, как машина сбавила скорость и остановилась, поравнявшись с ним.

— Прохожий! — окликнули Петьку.

Петька испугался, но распрямил плечи, вытянулся, чтобы не подумали, будто он робкий, и повернулся на голос.

Из машины высунулся дядька. Было видно, что он добрый и шутник. Петька приложил козырьком ко лбу ладонь, хотя солнце светило в затылок, отозвался:

— Чего? Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответил шофёр. — Далеко шагать?

— А не видать куда, — ответил Петька. — А вам?

— И мне туда же!

— По пути, — вздохнул Петька. — А вы чьи?

— Садись в машину, по дороге поговорим. Петька посмотрел: машина вся пустая, спросил:

— А назад или спереди садиться?

— Где понравится.

— Спереди, — сказал Петька и сел. Он захлопнул дверцу, стрельнул глазами так метко, что всё разом рассмотрел, и заявил:

— Я вашу машину не видал.

— В Маленках-то? Пожалуй, не видал. Я стороной вашу деревню объезжаю, — ответил шофёр.

— А почему? — спросил Петька.

— Да захудалая деревушка: дыра дырой...

— Стойте, — сказал Петька.

Машина резко остановилась. Петька выскочил из неё и пошёл пешком, не оглянувшись. Машина снова поравнялась с ним.

— Послушай, мальчуган, ты напрасно обиделся. Петька шёл, не обращая внимания на говорившего.

— Я не то хотел сказать. Просто мне у вас нечего делать, — оправдывался обидчик. — Я бабушку одну подвожу иногда, но она за деревней выходит. А дел у меня там никаких нет.

Петька посмотрел на шофёра и сказал:

— И пускай нет. А я-то вам на что?

— Подвезти хочу. Под бабушкино крыльцо подкатим.

— А вы не знаете, кто моя бабушка.

— Не знал, не говорил бы.

— А кто она? — спросил Петька.

— А бывшая колхозница, Анна Яковлевна Ворогушина. Теперь она на пенсии, но ещё помогает и колхозу.

Петька остановился, подумал и сказал:

— Ну, ладно, сяду.

Он догадался, что это кругловский председатель, который действительно подвозил бабушку Анюту в Маленки. Но «дыру дырой» Петька шофёру простить не мог и сидел в машине надувшись.

— Серьёзный ныне мальчуган пошёл, — заговорил председатель. — Слово скажешь — в обиду.

Петька промолчал. Он смотрел на дорогу и заметил, что машина идёт на тихой скорости. Председатель, значит, не спешит, хочет с ним поговорить по душам.

— Так и будем молчать?

— Да, — ответил Петька. — А зачем ругаете нашу деревню.

— Чью это вашу? Может быть, твою?

— Нет, нашу, — повторил Петька.

— Я не то хотел сказать. Дыра дырой в том смысле, что ваша деревня стоит в районе самой крайней, а на карте она словно в мешке.

— Пускай, — сказал Петька. — На карте ошиблись.

— А пожалуй, — поддержал председатель Петькины соображения. — На глаз провели линию, а глаз не точен.

— Может быть, об одном глазу был, кто рисовал карту, — сказал Петька и рассмеялся.

Председатель прибавил скорость, повеселел, радуясь тому, что разговорил Петьку.

— Ну, а как тебя зовут? — спросил он. — Давно встретились, а не познакомились. Меня зовут Иваном Петровичем.

— А меня Петром Ивановичем, — сказал серьёзно Петька.

— Почти тёзки.

— Наоборот тёзки, — поправил Петька и рассмеялся. — Здорово, правда?

— Здорово, — ответил Иван Петрович и спросил: — Ну, Пётр Иванович, к бабушкиному крыльцу подвезти тебя или у речки сойдёшь?

Петька подумал немного. Ему хотелось подкатить на машине к бабушкиному дому, показать, что его не кто-нибудь, а сам Иван Петрович доставил на своей машине, но и в речке хорошо бы обкупнуться, за тем и шёл по жаре.

— Меня бы и к речке, и к крыльцу, — сказал Петька.

— Искупаться хочешь? Если не долго, подожду.

— Нет, я быстро! — обрадовался Петька.

Лишь остановилась машина, он вырвался из неё, разбежался и как был, в штанах и в рубахе, шарахнул в речку. Председатель сдержал слово, дождался тёзку. Встретил его улыбкой.

— Ну, садись, — сказал он. — А то у меня дел много.

— А отжиматься? — спросил Петька.

— Высохнет на теле, — засмеялся председатель. — Сейчас жарко.

У бабушкиного крыльца мокрый Петька важно выбрался из машины, поблагодарил председателя, сказал «до свидания» и вошёл в дом.

САНИ-САМОХОДЫ

Был у Петькиного отца брат Толик. Его из восьмого класса отправили в город учиться, в ПТУ. Голова Толика полностью была забита изобретениями, отчего в доме не работали пылесос с полотёром, кофемолка и стиральная машина, а телевизор показывал всё вверх ногами, и никакие мастера не могли его снова сделать нормальным.

Так вот этот самый Толик, который приходился Петьке родным дядей, и вселил в племянника дух изобретательства.

Приехал Толик однажды летом с целым рюкзаком изобретательских журналов и сразу взялся мастерить какой-то мотогодровоз. Он был и конструктором, и главным мастером. Петька с Васькой Колачёвым помогали ему пилить доски и брусья, которые Петькин отец берёт на рамы и ульи, подносили и подавали Толику инструмент с деталями.

Гидровоз должен был возить ребят по суше и по воде. Но сделать его не удалось: Петькин отец обнаружил испорченные брусья с досками, поднял такой шум, что Толик без помощников расколотил сооружение, повытаскивал гвозди, выпрямил и всё вернул на прежнее место.

Несколько дней Толик был убит горем, грозился уехать из Маленок и больше никогда не приезжать, но потом вдруг придумал новое дело. У мастерских, в кустах, он нашёл давно брошенный трактор, сделал ему осмотр и решил привести в движение, превратив его в сарай-самоход.

Теперь Толик потребовал от помощников держать работу в строгом секрете, потому что трактор хотя и брошен на свалку, но увидят, что он оживает, заберут сразу.

... В библиотеке Петькиного отца Толик нашёл книжку про трактор, мигом разобрался в механизмах и начал налаживать мотор в своём самоходе.

Петьке выпало самое ответственное дело: заговаривать деда Пальчика, который сторожил не только мастерские и хорошие машины, но и всё вокруг. Петька не очень был доволен поручением, но Толик убедил его, что это важнее, чем сделать самоход. Они уже катались бы на мотогидровозе, если бы смогли сохранить всё в тайне.

Наверное, тысячу сказок рассказал дед Пальчик Петьке, все людские дела распределили они на добрые и злые, полезные и бесполезные, пока Толик с ребятами наладил сарай-самоход.

У мастерских всякого железа от машин было много, и ребята насобирали его потихоньку на своё изобретение.

Обшили они трактор так, что узнать его уже никто не мог. Он походил на избушку, куда помещались девять человек и ещё оставалось место.

Наконец настал день, когда самоход был готов. Кончились Петькины мучения. Деда Пальчика на обед сменила бабка. Петька нырнул в кусты к ребятам и занял почётное место на сиденье рядом с Толиком.

Трактор завёлся сразу, выбрался из кустов, прополз через стоянку машин и выехал на дорогу. Бабка-сторожиha удивлённо посмотрела на чудное сооружение и направилась туда, откуда оно выползло. За кустами никакой дороги не было, ровный простор отгораживался глубоким оврагом. Не по воздуху же летел железный дом? И вроде ехал-то он сам собой. Людей в нём не виделось. Посмотрела бабка на примятые кусты, на вытопанную траву, но ничего не поняла..

Дед Пальчик прибежал сразу же, лишь самоходный сарай скрылся за придорожными ракушками.

— Кто выехал со стоянки? — грозно спросил он.

— Никто не трогался, — ответила бабка.

— Не говори напраслины, — сказал дед Пальчик. — Слышал сам и заметить успел красное железо.

— А, да это какой-то дом потащился тут, — передала бабка. — Сзади у него красное, а бока зелёные да с голубинкой.

— Откуда тут взялся дом? — удивился дед.

— Из кустов вылез. А как он туда попал — ни следочка не видно.

Дед Пальчик уже не слушал бабку. Он направился по следу к кустам, взглянул на ребячью мастерскую и разом разгадал загадку.

— Ах, шельмы, ах, помощники! Провели старого воробья. Было подозрение на сторонний шум, да отвлёкся я на беседы с другом милым. А ты, ты не могла задержать, — зашумел дед Пальчик на бабку. — Сказано было: ни души сюда, ни души отсюда. Доверишь ли тебе после этого пост?

— Живая бы душа ползла, а то ни дом, ни сарай, железка на железке, — возразила бабка.

— Разговоры мне! — прикрикнул дед Пальчик. — Под железками трактор живой.

— Хорошее не бросают в кустах, — оправдывалась бабка. — А коли бросили, пускай детишки забавляются, привыкают к машинам.

— Вот она куда! — подпрыгнув, сказал дед Пальчик. — Баловство на пользу обратила? Игрушки у них есть на забаву. На эту штуку разрешение требуется. Ну-ка они сейчас тебе ещё плуг зацепят да свёклу заЦашут?

— И хорошо будет, — сказала бабка. — Руки наши освободятся от полотья.

— Не перечить! — приказал дед и вышел за мастерские, а бабке велел идти домой и до его прихода прочитать от строчки до строчки газету «Сельская жизнь».

Сам же дед Пальчик, замерев на дороге, смотрел на удалявшийся самоход. «Провели. А однако, мастера великие. Мёртвый трактор запустили!».

Вдруг дед увидел, что навстречу самоходу катит председательская машина. Самоход, не сворачивая с дороги, продолжал двигаться вперёд. Председатель съехал на обочину, остановил машину и вышел. Даже издали было видно, как он стоит и изумлённо смотрит вслед удалявшемуся механизму. Потом председатель сел в машину и подъехал к мастерским.

— Это что там за курятник потащился? — спросил он у деда Пальчика.

— Сам дивлюсь, что это за штука! — ответил дед Пальчик. — Главное, неведомо, откуда взялась и на какую надобность назначена.

В это время самоход остановился, мотор заработал с сильным стуком, стал стрелять. Один за другим вылетали на дорогу ребята. «Видать, не заладилось, — подумал дед Пальчик. — Вот горе».

Председатель молча сел в машину и покотился назад, к самоходу...

Ругать почему-то ребят никто не стал. Говорили, что председатель даже похвалил конструктора и направил гусеничный тягач, чтобы убрать самоход с дороги.

... Больше Толик ничего не успел изобрести. У него кончились каникулы, подошёл сентябрь, и он уехал в город на учёбу. Петьке он оставил все свои журналы и наказал что-нибудь изобретать, не сидеть зиму без дела.

Изобретательство — такая штука, что передаётся от одного к другому, как болезнь или дурные привычки. И сон пропадает, и время от других дел отнимается.

Так случилось и с Петькой. Перечитал он все изобретательские журналы и заострил свой ум на постройке самоходных саней, так как была уже осень, а за осенью должна наступить долгая зима.

Прежде всего Петька решил делать самоходные сани один и держать это в строжайшей тайне.

На полозья он подобрал лотки от большой дубовой кадки и на сиденье взял старое свиное корыто, которое было на две свиньи и ему подошло. В корыто можно было сесть и вытянуть ноги, спереди и сзади даже оставалось место для двух человек, если сидеть на корточках. Передачи Петька решил сделать из прялок: деревянные круги легче железных. На помощь моторам Петька надумал прикрепить парус.

Дело, как говорят, загорелось.

За два воскресенья он побывал в деревнях у бабушек и принёс оттуда прялочные принадлежности, а после

этого схлопотал за два дня четыре двойки и одну кое-какую тройку. Последнее событие, а также неожиданное появление почти в один и тот же час двух бабушек на некоторое время остановили Петькино изобретательство.

Дело в том, что бабушка Анна и бабушка Настя стали готовить прялки к долгим осенним вечерам. И тут-то они спохватились, что кругов и скалок нет. Порешила каждая бабушка самостоятельно, что внучок Петя пригадал для своего какого дела круг со скалкой, и пришли справиться об этом, не сговариваясь. А вышло, что в один день гостями оказались.

К этому времени Петька уже пригвоздил к корыту сиденью стойки, прикрепил круги. Оставалось за малым: вытесать пропеллеры и дожждаться первого снега. Петька решил не разоблачать самого себя, доделать сани-самоходы, испытать их, а потом и вернуть бабушкам их вещи. Немного задержатся с прядением — это ничего, а его дело может сорваться. Дядя Толик говорил, что настоящий изобретатель должен терпеть и голод, и холод, и палки, и калёное железо, если он настоящий изобретатель.

И Петька перво-наперво отказался от принесённых бабушками пенок, чтобы не проявить слабость, наказать себя, а заодно и не признаться в проступке. Потом произносил одно лишь слово «не брал», потом спросил у одной бабушки, а какие были круги и скалки, и заверил их, что такие он не видал; а если где увидит, то принесёт им.

Бабушки сказали, что и не думали на него, ведь у них внук честный и правдивый, что они просто к слову справились о пропаже, потому что она и впрямь совершилась и стала после выяснения кражей.

Они ушли, а Петька, расстроенный, продолжал потихоньку начатое дело. Он был ещё не такой заядлый изобретатель, как его дядюшка, очень переживал обман и решил хотя бы ликвидировать двойки (за что его Светлана Андреевна впоследствии ставила даже ребятам в пример).

Машина у Петьки получилась красивая, на четырёх ногах-лыжах. Вот только снегу не было. И в школе и дома Петька то и дело смотрел в окно и получал за это бесконечные замечания. Ему надоело ждать снега. Тучи по небу ходили низко, было холодно, а снег не шёл, всё лили дожди. Петька не выдержал и рассказал о своих сани-самоходах Ваське, а потом узнали об этом почти все ребята, и из-за этого упала в школе дисциплина, потому что все стали смотреть в окно, следить за погодой, и каждый спешил свои наблюдения сообщить на словах или письменно Петьке.

— Петька, Петька, снежинка пролетела, — то и дело слышался шёпот с парт.

Светлана Андреевна вначале не обращала внимания на подобные сообщения, но потом и сама стала оборачиваться на окно и спрашивать:

— Кому это у нас нравится создавать панику? Никаких снежинок ещё нет. Осень кому-то надоела, помёрзнуть хочется?

— Да, да, — отвечали дружно, с притворством ребята — и пуще тянулись к окнам. — Помёрзнуть хочется!

— И покататься.

— На лыжах.

— На коньках.

Петька оглядывался — он сидел на первой парте, как самый способный и больше всех отвлекающийся ученик. Ребята замолкали. С ним лучше не ссориться. А то потом не прокатит на сани-самоходах.

*

Снег выпал лишь в середине ноября, после праздника. Но он был рыхлый и в тот же день стал таять. Петька всё-таки вытащил сани-самоходы за сарай, надел пропеллеры на свои места, намереваясь проверить их готовность. Они были кривые, не уравновешенные, вращались слабо и не создавали тягу. Тогда Петька решил снять прялочные круги (заодно и вернуть бабушкам!). И вместо них поставить парус: так ещё лучше — крутить не надо и ехать легче.

Петька взял на парус старую, дедовскую, с войны, плащ-палатку, зашил в ней прорези для рук и приладил её к своему свиному корыту. Теперь ему помогали, в работе почти все ребята, а он лишь указывал, как самый главный изобретатель.

После первого снега погода повернула на зиму. Каждый день шёл то дождь, то снег. Но всё чаще снегом перебивало дождь, и однажды ночью завалило снегом всё. В полях не чернело ни комочка, дороги занесло, деревья отяжелели от снежных пушистых шапок. И сразу стало морозно, а вскоре подули ветры.

Петька дождался своего часа. Его изобретательская душа пережила сомнения, тревогу и не проходящее волнение перед испытанием. Ветер дул не к школе, а как-то вкось, но вдоль дороги, которая шла к бабушки-Настиной деревне Выгонке. Ребята вынесли на дорогу изобретение. Петька завязал туго шапку, застегнулся «полётчески» на все пуговицы, натянул рукавицы и сел в корыто. Он дал команду поднять парус, толкнуть сани-самоходы — и не успел взглянуть на дом, как его понесло по дороге. Ребята погнались за ним. Кто-то один толкал его в спину, лез в пассажиры.

— Петька, остановись, сяду, — расслышал Петька знакомый Васькин голос.

— А как я остановлюсь? Когда ветер перестанет, тогда остановимся! — крикнул Петька, но всё-таки подвинулся вперёд.

Васька плюхнулся сзади, подобрал в корыто ноги и полы пальто. Ветер, казалось, усилился, и сани-самоходы быстрее понеслись по накатанной дороге. Ребята отстали. Промелькнул крайний дом. Сани вынесло на пригорок, потом угнало вниз, под изволок. Скрылись из виду школа и деревья.

— Петь, а как мы домой вернёмся? — прокричал Васька.

— Вернёмся! — крикнул бодро и радостно Петька. — У бабушки Насти побудем. Ветер повернёт, и мы домой прикатим.

— А в школу? — крикнул Васька.

Петька махнул рукой вместо ответа, что значило: «Сидишь — и сиди».

Дорога пошла под уклон в глубокий овраг. Васька от страха схватился за Петькины бока. Сани-самоходы набирали собственную санную скорость. Петька вспомнил, что забыл приделать тормоза, и спустил за корыто ногу. Сани-самоходы круто свернули с дороги и ухнули с дорожной насыпи в обрыв.

Кто через кого летел, было не понять. Мачта переломилась, на корыте уцелела лишь одна лыжа. И Петька, и Васька были набиты снегом, как чучела опилками. У Васьки краснела ссадина под глазом, у Петьки оторвались от шапки уши.

— Вот это да! — сказал Петька. — От тормоза они вильнули. Надо было тебе тоже тормозить, другой ногой.

— Кабы я знал, — буркнул Васька.

— Теперь знай, — сказал ему Петька.

— А я больше не покачусь с тобой, — заявил друг.

— А я тебя брать не буду, — ответил Петька и стал снимать с обломков саней-самоходов парус.

— Я домой пойду, в школу! — крикнул Васька и полез из оврага на дорогу.

Петька остался один. Он огляделся по сторонам. Овраг был глубокий и тянулся до самого леса. Петька выбрался из оврага, вышел на дорогу и увидел подводу, ехавшую от бабушкиной деревни. Васька был уже далеко, мелькал между кустов и ракушек. Под насыпью чернели обломки изобретения. Петьке было жалко оставлять тут лыжи и корыто, но всё донести он не мог, а потому стоял и придумывал, как потом забрать обломки для новых изобретений.

Подвода поравнялась с Петькой и остановилась. Возчиком оказался дядя Митя, он жил в одном доме с бабушкой Настей.

— Петро, никак ты? — спросил дядя Митя. — Чем ты тут занимаешься?

— А вон, крушение, — ответил Петька, показав на обломки саней-самоходов.

— Какое такое крушение?!

Дядя Митя слез с подводы, встал рядом с Петькой и, положив ему руку на плечо, стал смотреть на свиное корыто с палками.

— Я сани-самоходы изобрёл, — тихо сказал Петька. — Хотел к вам приехать, а они туда свернули...

Дядя Митя вдруг рассмеялся.

— Петро, а что у тебя за шапка?

— Порвалась от крушения, — сказал Петька, показав оторванные уши. — А у Васьки синяк.

— А где Васька? — испугался дядя Митя.

— Ушёл.

— Вот как... — Дядя Митя помолчал. — Ну ладно. А что делать с обломками твоего транспорта? Погрузим на подводу?

— Погрузим, — обрадовался Петька. — Я потом лучше сделаю, с рулём.

— Сделаешь, — поддержал его дядя Митя и полез под насыпь. — Ты у нас большой мастер. Бабушка часто вспоминает тебя, как прясть садится. К новой прялке никак не может привыкнуть.

— Это я взял. Я принесу ей старую, — сознался Петька. — Хотел с пропеллером делать, а ничего не вышло.

— С пропеллером сложно. Тут уменьше нужно.

— Нет, — возразил Петька, — надо выстругать только, и чтобы крутились быстро. Я сделаю...

Дядя Митя вынес из оврага корыто. Петька собрал лыжи и обломки мачты. Они погрузили всё на подводу и поехали. Дядя Митя вдруг спросил:

— Петро, а в школу как же?

— Завтра, — отмахнулся Петька. — Догоню.

— Я те догоню, — пригрозил дядя Митя и, посмотрев на часы, погнал лошадь.

Они поравнялись с Васькой. Он шагал в расстёгнутом, без единой пуговицы, пальто. Под глазом у него синело. Васька сошёл с дороги в снег и удивлённо уставился на Петьку.

— Садись, — крикнул тот. — На этих санях не уьёмся!

Опоздали они на два урока. Светлана Андреевна строго посмотрела на Петьку и сказала, чтоб после занятий явился к директору.

На уроках Петька вспоминал испытания своего изобретения, в перемены весело рассказывал об этом ребятам, но к последнему уроку загрустил. Он уже меньше думал о санях-самоходах и не собирался их делать заново.

А перед тем как войти в кабинет директора, Петька решил, что изобретать, может, вообще больше не будет.

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Весной Светлана Андреевна принесла Петькиному отцу красный ситец на флаги для школы. Петька помог отцу скроить полотнища, выстрогать дровяки, приколотить к ним ситец. Потом отнёс флаги в школу.

— Вот, — гордо сказал он, встретив учительницу. — Три с остатком вышло.

Светлана Андреевна обрадовалась, что теперь к празднику в школе будут новые флаги, посмотрела их, скатала и унесла, а остаток отдала Петьке.

Петька приложил к груди кумачовый ситец, спросил:

— Светлана Андреевна, а рубаху из него можно сшить?

— Почему же нельзя? — ответила учительница. — Нарядная получится рубаха!

— А летом праздники будут? — снова спросил Петька. Учительница задумалась.

— А вот отучимся — и будет праздник: День защиты детей!

Дома Петька снова примерил на себя кумач. Ему захотелось иметь редкостную рубаху, и он взялся за ножницы. ... Первого июня, в международный День защиты детей, Петька надел кумачовую рубаху и отправился к своему лучшему другу Ваське. На улице его встретили тревожным криком петухи, закудахтали куры, а один гусак зашипел и погнался за ним с расставленными для боя крыльями. Бабки и деды долго вглядывались в Петьку, явно не узнавая его в новом наряде.

... Васька уже ушёл куда-то. Бабушка Васькина не смогла точно ответить куда. Она плохо слышала и говорила одно лишь: «Вчерась». — «Что вчерась? — кричал

Петька. — Я спрашиваю, где ваш Васька?» — «И наш вчера», — отвечала бабушка и любовалась Петькиной, кое-как скроенной и сшитой, кумачовой рубашкой.

В школе Петьке тоже не повезло, она оказалась закрытой. Светлана Андреевна уехала в районный центр, и Петька решил, что детей защищают только в городе, там и празднуют этот день, а ему, видно, участия в этом большом торжестве не принимать. И чтобы не скучать в безлюдной деревне, он решил пойти в поле, на луга, найти там себе занятие.

По пути Петька зашёл к деду Пальчику побеседовать, но у мастерских дежурила бабка, а с ней мальчишки не могли дружить, потому что она считала их бездельниками и заставляла сидеть дома, помогать родителям.

... Петька пошагал через поля, к холмам, туда, где паслось кол'хозное стадо. Ещё издали он заметил пастухов и какого-то человека, подъехавшего к стаду. Приглядевшись, Петька узнал дядю Прохора и, обрадованный, пустился напрямик к холмам. На ходу он срывал колоски пырея, подстёгивал себя и напевал: «Эх, День детей, детей, детей!» В небе пролетели два самолёта. За ними тянулись курчавые белые полосы. «Это потому что праздник!» — подумал Петька и запрыгал на одной ножке.

До стада оставалось совсем немного, как вдруг он заметил, что навстречу ему с рёвом идёт бык. «Что это с ним?» — удивлённо подумал Петька и остановился. Идти вперёд — опасно. Быка не обрадуешь ни новой рубашкой, ни праздником. Петька оглянулся на деревню. До деревни не добежать... А бык ревел и шёл всё быстрее. «Ему-то что, у него четыре ноги. Одна запутается в траве, он на трёх устоит, не упадёт, а тут лишь две ножонки, об каждую травинку запнуться можно, а он догонит и закатает...» — размышлял Петька.

Недалеко, за оврагом, росли кусты и дубочки. Если взобраться на дубок, бык не достанет. И Петька повернул на всякий случай к оврагу. «И чего мчится? — недовольно думал он. — Праздник, а бегай от всех!» Петька шёл сначала не спеша, всё ещё не веря, что бык бежит за ним. Но когда он оглянулся, то увидел, что тот разогнался уже во всю силу. Медлить было нельзя. Надеяться, что бык свернёт или кто-то защитит, — лишнее. «Надо смазывать пятки, пока не поздно!»

И замелькали перед Петькой ромашки да кашки! Землю как будто прикатали — ни бороздки, ни кочки, ветер подул в лицо, словно Петька несся на мотоцикле.

Бык не отставал. Уже слышался топот и сопение. Казалось, совсем близко его рога...

Где деревня, где дорога, есть ли кто в поле — Петька уже ничего не видел. День был солнечный, но казалось, что небо заволочло тучами, солнце почернело. Теперь Петька ни о чём не думал, некогда было, лишь боялся, что не добежим до оврага, не успеет к дубкам.

Много ли, мало ли пробежал Петька, про это никто, и он сам, сказать не мог. Из-под ног вдруг исчезла земля, он полетел, не ведая куда, кувыркаясь по сыпучему глинистому склону. Наконец за что-то зацепился и остановился. Высоко-высоко над ним было голубое, праздничное небо. По склону оврага, куда скатился Петька, сыпалась потревоженная глина.

На вершине склона что-то краснело. Петька оцупал себя и понял, что от его кумачовой рубашки уцелели только рукава. Он встал, не зная, то ли считать синяки с царапинами, то ли любоваться своим богатырским одеянием, то ли карабкаться за клоком рубашки.

Грозный бычий рёв заставил Петьку нырнуть под навес оврага. Бык ходил где-то наверху, зло ревел — видно, злился, что не догнал дразнителя в красной рубашке.

Вдруг Петька услышал, что наверху захлопали кнутами, донёсся стук телеги. Петька догадался: это подоспели пастухи и подъезжает дядя Прохор.

«Ну, брухачий, держись, — подумал Петька. — Дядя Прохор быстро тебя на вола переделает. Будешь знать, как за мной гоняться».

— Где же мальчишка-то? — послышался голос дяди Прохора. — Может, его не было?

— Как не было? Своими глазами видал!

Дядя Прохор разговаривал с пастухом. Петька представил себе, как они будут смеяться, если найдут его, и решил не показываться. Притаился под большим навесом из корней, которые переплелись как паутина и могли спрятать кого угодно.

— Прохор Фёдорович, вот тут он кувыркался, — сказал пастух. — Вон пропахана глина.

Пастух стоял прямо над Петькой. Дядя Прохор тоже подъехал к этому месту.

— Вижу, тут падал. А куда подевался-то? Не провалился же он сквозь землю.

— А кто знает, Прохор Фёдорович. Может, там яма внизу.

— Нет там никаких ям. Я недавно исходил весь овраг, — ответил дядя Прохор.

Петька чуть было не спросил, а зачем он тут ходил, но вовремя сдержался.

— А кто бы это мог быть в красной рубашке-то? — сказал пастух. — У нас в деревне никто не додумается!

— Мог объявиться чудак, надеть красную рубашку быков дразнить, — сказал дядя Прохор. — Тоже мне, тореадор из города Мадрида!

— А я думаю, Прохор Фёдорович, никого не было. Лиса это, наверное, мельтешнула, — сказал пастух.

— Лиса рыжая.

— Могла показаться красной. Сместилось зрение, вот и показалось.

— Сместилось так сместилось, — ответил дядя Прохор и поехал прочь.

Отъехал и пастух. Петька выбрался из-под земляного навеса. Над ним пролетела ворона, каркнула. Петька посмотрел на пропаханные им борозды, произнёс:

— Ну и ну! Вот это День защиты детей...

У него вдруг заныло плечо. Он подёргал руку. Вроде всё нормально. А мог бы сломать и руку и ногу. Петька представил, как он, раненный, добирается до дома, ползёт по траве, по ржи, но не плачет, а только тихо стонет.

В этот момент с другого обрыва в овраг метнулся серый зверёк, не удержался на сыпучей глине и колесом скатился вниз к Петьке, а над обрывом появилась лиса и стала смотреть туда, где сидел, прижавшись к земляному комочку, зайчонок. Лиса хотела кинуться в овраг и схватить зайчонка, но Петька встал и крикнул во весь голос:

— Э-эй, кума, я тут!

Лиса подпрыгнула, перевернулась в воздухе и исчезла. Зайчонок поднялся на задние лапки, повертел головкой и пустился прочь из оврага.

— Ну, чудеса! — сказал Петька. — Бык на меня, лиса на зайчонка. Спасайся от всех, как можешь. Хорошо, что ещё овраг, а то бы нам несдобровать.

Он выбрался из оврага на луг, снял рукава, завернул всё и спрятал в ивовом кусте, чтобы не дразнить быков и гусей, и направился луговой дорогой к деревне.

Солнце светило ярко и сильно грело землю с травами и цветами. По цветам летали пчёлы и шмели. В леске куковали кукушки. Было так хорошо и празднично, что Петька забыл все неприятности, разошёлся и стал напевать:

День защиты детей, День защиты детей, День защиты детей
И зайчат. День защиты зайчат, День защиты зайчат, День защиты зайчат
И детей.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Деревня Маленки всем хороша: пруд в ней есть, школа стоит у сада, и хотя в ней учатся до пятого класса, но она своя, старый учитель приходит из другой деревни учить, из Прилук, а Светлана Андреевна приехала в Маленки и здесь живёт. Сад такой, что яблок в нём набирают целые горы. Лес свой тоже, шумит и зимой и летом, если ветер дует; а грибов в нём растёт, ягод, орехов — не переносить, а ещё груши дикие растут и яблони. И желудей тьма-тьмушая на дубах. Клуба только нет, в кино надо ходить в Прилуки.

Но Светлана Андреевна приехала — и клуб в Маленках нашёлся: изба пустая стояла, в ней и открыли клуб, потому что без клуба плохо. У Светланы Андреевны брат в городе жил, кино сам снимал и показывал, он свой аппарат привёз, и стали в Маленках своё кино показывать. А что было действительно плохо — артисты в Маленки не хотели приезжать. В Прилуках давали представления, а на Маленки рукой махнули, не приезжали.

Светлана Андреевна решила своих артистов вырастить и объявила всем: кто хочет выступать на сцене, должен записаться в кружок самодеятельности.

Петька тут как тут — первым явился. И сам пошёл по дворам созывать всех в кружок. Все почти и согласны были помочь в хорошем деле, но Светлана Андреевна выбрала самых талантливых.

Пьесу она добыла такую, где героями были бабка злая с добрым дедом, два петуха-драчуна, братец с сестрицей и красное солнышко.

Петька помогал, как мог. Он взялся играть деда и даже готов был за бабушку выступить (голос менять он умел), но старухой назначили Аню Петрову. И начались репетиции. Петька всё время задевал Аню, толкал и передразнивал. Поёт «бабка» — Аня Петрова: «Догорай, гори, моя лучинушка, догорю с тобой и я», а Петька подпевает ей на свой лад: «Догорай, гори, твоя лучинушка, догоришь с тобой и ты».

Светлана Андреевна билась с Петькой, билась, а потом покусала от расстройства карандаш и решила, что так даже смешнее будет. Переписала на Петькин лад песню, согласилась, что хоть и подружались дед с бабкой (это когда от лисы досталось и бабкиному петуху и дедову), но догорать вместе с лучиной им рано, не до конца проняла их дружба, чтобы на жертвы друг из-за друга идти.

«Стариков» Светлана Андреевна отрегулировала кое-как, а с «петухами» неувязка вышла. Петухов играли Васька и один из братьев Комариков. Безголосыми петухи оказались. А в сказке они всё время будить должны деда с бабкой да с криком в драку кидаться. Ни Васька, ни Комарик не могли кукарекнуть.

Петька и этим даром владел, показывал друзьям, как кукарекать надо, но они разинут рты, а звука издать не могут. Смех да и только. Васька ещё кое-как одолел науку, натренировал его Петька, а Комарик с учением задержался.

Пришлось Светлане Андреевне нагрузить Петьку второй ролью — петуха представлять. Решили, что дед со своим петухом за кулисами должен разговаривать и в это время в петуха переодеваться.

Наступил наконец день представления. Народ собрался. Сам председатель приехал посмотреть на самодеятельность, и другие люди были.

Получилось интересно. Зрители, как увидели злую старуху и дедова петуха, так смехом и зашлись. Старуха за петухом с поленом, в длинной панёве гонится, на подол наступает, падает и потом на деда кричит, что он сам как петух и петуха такого же завёл...

Светлана Андреевна очень переживала, но когда зрители стали хлопать артистам, даже перебивать хлопками слова, она развеселилась, засуетилась от радости. Ходит за кулисами, пальцами щёлкает и кивает ребятам: так, мол, молодцы вы у меня.

Один акт кончился, за второй принялись. Петька только знай успеваешь сбрасывать дедовскую фуфайку да петушиные одёжки надевать. Оно несложное дело, но хлопотное, расторопность нужна, порядок в действиях, чтобы крыло обратной стороной не наделось, а когда спешишь, то и получается чаще всего канитель.

Петька это по себе знал. Был с ним случай. Купались ребята в пруду, а тут машина подъехала, надо было шофёру дорогу показать в лесу. Петька рванулся из воды первый, натянул штаны, а они задом наперёд вышли. Он — стаскивать их да вместе с трусами сволок, стал надевать снова, трусы мокрые на ноге запутались; сел, чтобы сидя справиться, — а другие ребята уж в кузов влезли — шофёр его не стал ждать. Петька тогда от злости запустил и штаны и трусы в воду...

Ну и со спектаклем также не всё гладко прошло. Верно говорила Светлана Андреевна — двух ролей одному много. Таланта у Петьки, правда, хватало, он ещё и займы мог бы кому-нибудь дать, но с одного момента всё представление по другой колее пошло.

У Петьки затянулись шнуры на крыльях. Отрывать их нельзя, потом опять чем-то привязывать надо. Время выхода деда прошло. Зрители ждут действий. Бабка уж там, на сцене, весь диалог свой произнесла, а у Петьки

заело с крыльями. Пришлось крикнуть: «Иду. Подожди там, не разоряйся!»

Светлана Андреевна кинулась помогать, но руки у неё тряслись, никакого сладу с ними не было. Петька рванулся от помощников, бороду нацепил — и на сцену. Фуфайку свою в руках несёт и крылом похлопывает по боку.

— А вот и я, — произнёс он. — Ты что тут разоряешься опять?

— Ты, да какой же это ты! — удивилась «бабка» и зашептала: — Петь, ты крылья-то не снял!

Петька в зал говорит:

— Испугалась карга! Крылья, говорит, у тебя, это не ты. А это я. От злости смотреть плохо стала. Крылья у меня за ночь выросли.

Повернулся Петька к «бабке» и объявил:

— Богом я теперь буду. Сказали, крылья если вырастут у тебя, то богом назначим. Вот!

Закончил Петька свои слова и шепчет:

— Испугайся, а потом как было опять говори.

Аня по сцене забегала. А Светлана Андреевна все движения потеряла, села на стул, голову закинула и глаза закрыла. Ждёт полного провала, а тут хлопки, смех, крики...

Ну и закончился спектакль. Правда, когда бабка с дедом помирились, песню спели, бабка возьми и спроси от себя уже.

— Ну, дед никудышный, а когда же ты богом-то станешь?

— Завтра, наверное, — ответил «дед» Петька. — Из сельсовета бумажки ещё нету! — и убежал.

Кланяться он не вышел ни петухом, ни дедом, испугался, что не то наговорил. Так домой с крыльями и прибежал.

Потом Петьке много дней проходу не давали. Встретят и смеяться начинают, а потом хвалят, советы дают в Москву ехать выступать в театре. Надоели ему с вопросами да советами, и он засел дома.

Нашёл себе другое занятие.

ПЕТУШИНАЯ ОДЕЖКА

«Подумаешь, — думал Петька, — артистом выступать! Это и не трудно. А вот другое дело, если настоящему петуху одёжки сшить да показать его другим петухам, это-то интереснее может быть!»

И приступил Петька к делу. Уйдёт мать на работу, а он — к швейной машинке и давай строчить. Для начала решил одеть петуха в матросы. Тельняшечного полотна не нашлось, но он изготовил его сам: навёл синие полосы на белом полотне, из него скроил петушиную тельняшку. Бескозырку тоже сам смастерил, но лент, к несчастью, не нашлось, и когда Петька нарядил петуха, то похож тот стал не на матроса, а на арестанта в полосатой одежде. Петька посмеялся над арестантом-петухом, посадил его в плетушку и направился к другу Ваське.

— Пришёл? А чего не открывал? — обиженно спросил друг. Он уже не раз стучался к Петьке, чувствовал, что тот дома, но почему-то не откликается. — Ты же дома сидел?

— Дома, — ответил Петька. — Я секретным делом занимался.

— Каким? — заинтересовался Васька.

— А вот увидишь. Где ваш петух?

— А не знаю. Тут вышагивал.

Петух был у погреба. Петька раскрыл плетушку и выпустил на волю своего «арестанта». Васька, увидев его, долго не мог вымолвить ни слова, смотрел как ошалелый на чудную птицу, наконец спросил:

— Это что, Петь?

— Это мой петух, мой Пётр Петрович. Новая порода. Сейчас он покажет твоему силу.

Но Васькин петух сразу поджал одну ногу и завертел головой, выкатывая на новую породу то один, то другой глаз. Потом он упал, попятившись, закричал по-куриному и бросился наутёк. Петькин петух захлопал крыльями и попробовал кукарекнуть. Пение у него не получилось.

— Вот я балда! — Петька щёлкнул себя по лбу. — Тельняшку тесную сшил. Она ему горло стянула. Ладно, Петрович, не пой пока, перешью тебе одёжку, нормальная будет.

— Петь, а как? — проговорил Васька.

— Что «как»?

— Шил ты её как?

— На машинке строчил! — гордо ответил Петька.

Как только друг ушёл, Васька засел за машинку...

А вечером ему здорово влетело. Его отец когда-то служил матросом и новую тельняшку, которую сын изрезал на петушине одёжки, берёт к праздникам. Какой моряк, хоть и бывший, стерпит, чтобы в его тельняшку петуха одевали!

ВЕЛОНОЖКА

Васька Колачёв прокатил под окнами на новеньком велосипеде.

— Петька, эй, Петька! — прокричал он.

Петька выскочил за порог и увидел, как Васька, виляя слева направо, промчался мимо, не оглядываясь.

Пришлось бросить все дела и отправиться к другу смотреть велосипед. Но по дороге он стал думать: почему же тот не остановился у дома? Когда не было велосипеда, так и не вылезал от них, а теперь даже не остановился...

Петька догадался, что друг задаётся, и решил не ходить к нему. Он свернул с дороги под гору, вышел на ручей и, чтобы никто не заметил его обиды, занялся своим любимым делом — искать и расчищать родники.

Дело было в послеобеденное время. Петька провозился на ручье до пригона скотины. К нему пришли братья Комарики, которые вообще-то были Комаровыми, но родились в один час — и оттого их прозвали Комариками.

С помощью Комариков Петька старательно выгреб ил из шести родников, построил большую запруду, а потом сделал в плотине прорыв и устроил половодье и лишь после такой трудной и занимательной работы направился за коровой.

Васька катался по деревне. Он снова пронёсся мимо Петьки и не остановился. Даже не взглянул на друга. Нарочно пригнулся и смотрел на заднюю шину, словно проверял, хорошо ли она накачана. Петька прошёл спокойно. Конечно, ему очень хотелось посмотреть велосипед, потрогать, прокатиться на нём, но он ничем не выдал себя.

Васька носился по деревне и доносился до того, что залетел в старую погребную яму с крапивой, изодрался сам и повредил свою машину. Из ямы он выскочил быстро и побежал к другу.

— Петь, а Петь, крушение. Отец будет ругаться, — жалобно говорил он и тёр ушибленные места.

— Не будет, — ответил Петька. — Мой отец не ругается никогда.

— Да не твой — мой, — захлюпал Васька. — Велик сломался.

Надо было что-то сказать другу, утешить его и помочь в беде, но Петька помнил обиду.

— Моя бабушка Анюта говорила: «Тише едешь — дальше будешь».

— И моя говорила, — прохлюпал Васька. — Петь, а Петь, можно, я его у вас оставлю?

— Как хочешь. Только не задавайся потом, — сжалился Петька.

— Не буду, — пообещал друг и поволок велосипед в сарай.

О Петькином отце говорили, что он «от скуки на все руки». То, что «на все руки», чистая правда, а вот скучать ему совершенно некогда. Доказал он это и на истории с Васькой.

Утром, когда Петька проснулся и вышел посмотреть на убогий механизм, то увидел вместо этого совершенно новенький велосипед. Он не поверил своим глазам: машина была на ходу! Значит, отец не спал всю ночь и занимался Васькиным велосипедом! Петька вывел машину на дорогу и покатил радовать Ваську. Но не проехал он и полпути, как увидел друга, который с рёвом летел навстречу, а следом за ним шла его мать с гибкой хворостиной.

Оказывается, Васька дома сказал, что велосипед оставил у Петьки, вечером за ним сходит, но дотянул допоздна, а потом отговорился, объявил, что боится идти и сходит утром. Но утром сестрёнка поведала о его обмане, и после этого Ваське пришлось не идти, а с рёвом лететь от хворостины — быстрее, чем на велике, лететь к Петьке.

Он пробежал мимо, не остановился, не узнал свою машину, помчался дальше.

— Петя, — Васькина мать остановилась и подозрительно посмотрела на велосипед, — ты не видал, как Васька в яму-то залетел?

— Видал, — сказал Петька. — Я вот везу его велосипед.

— Это разве его? Говорили, что он свой весь искорёжил.

— Не весь, — ответил Петька. — Вот он.

— Выдумают тоже, — сказала Васькина мать. — А я малого наказала. Выходит — зря обидела.

— Нет, не зря, тётъ, — сказал Петька. — Он поумнее будет. И мне попадает!

— Тебе-то не за что. Ты хороший.

— Нет, это я только считаю хорошим. Я тоже... — Петька покрутил в воздухе рукой с растопыренными пальцами: мол, всякое бывает...

— Катайтесь, — сказала Васькина мать и повернулась к дому. — Не носите только сломя голову.

— Не-ет! — крикнул Петька и помчался на розыски друга.

В этот день он накатался вволю, и ему очень захотелось иметь свой велосипед. Мать ни слова не сказала против, а отец хоть и согласился с сыном, но сказал, что от этой машины, если её употреблять только самому, станешь кривоногим.

— Да-а? — удивился Петька.

— Точно, — ответил отец. — Ноги отвыкают от ходьбы, искривляются и передвигаются ненормально. Походка становится утиной.

— Вот это да! — воскликнул Петька. — Я скажу Ваське...

— Ты не спеши, — посоветовал отец. — Пусть он велосипедит, а ты присмотришь к нему, каким он станет.

— А потом что? — спросил Петька.

— Потом исправлять будем его кривоногость! — ответил отец. — Станешь специалистом по этому делу.

Васька по-прежнему гонял на своём велике во все концы деревни. Но теперь Петька не просил у него велосипед, всюду ходил пешком. Васька иногда замечал, что друг на него в обиде, гадал, чем он мог вызвать его недовольство, но как только садился на свою машину, забывал обо всём. Пешком Васька совсем не ходил, разве только по дому, а через некоторое время и в сени стал въезжать на велосипеде. Когда же он останавливался, то одной ногой упирался в землю, а вторую держал на раме.

В таком положении он казался и кривоногим, и кривобоким, и кривошеим. Петьке казалось, что друг стал даже кривоголовым, потому что думал он только о том, как пронестись быстро по деревне, с разгона перескочить через канаву или камень. В играх с ребятами он не принимал участия, а стоял на одной ноге у велосипеда и смотрел на них, удивляясь, что интересного они находят в своей беготне друг за другом. Когда ему надоедали их забавы, он начинал насвистывать беззаботно и высокомерно, прыгал на седло и уносился, пугая кур.

Долго Петька следил за Васькой, но ничего выследить не мог. А однажды он устроил в пруду купание с прыганьем в воду с обрыва. Все ребята прыгали, ныряли, а Васька стоял на жаре и только кривил лицо, наблюдая. Наконец и он не выдержал, бросил велосипед, разделся и побежал к воде.

Петька только этого и ждал. Он подозвал братьев Комариков, шепнул:

— Глядите, Комарики, у Васьки ноги кривые от велосипеда!

Братья Комарики посмотрели и в один голос сказали:

— Правда, кривоножка Васька!

Васька в этот момент поскользнулся на самом обрыве и кувырком слетел в воду.

— Вот, — громко сказал Петька, — знать, и прыгать разучился.

Ребята окружили Петьку и тоже закричали:

— Вот!

— Доносился!

— Хвастал всё...

Петька быстро скомандовал одеваться и повёл всех к орешнику.

Васька остался один. Он прыгал в воду, навёрстывал упущенное и доказывал, что поскользнулся случайно. Но вдруг он увидел — доказывать некому. Он один на берегу... Тогда он схватил одежду, бросил на багажник и понёсся догонять ребят.

— Э, не ушли от меня! — крикнул Васька бодро. — Мой велик догонит вас и перегонит.

И укатил далеко вперёд, насвистывая какую-то свою велопесенку. А когда оглянулся, то увидел, что ребята идут совсем в другую сторону.

— А-а, обманули! — закричал Васька и пустился опять вдогонку. — Не уйдёте!

Когда он снова догнал ребят, они остановились и крикнули ему:

— Не гоняйся за нами!

— Кривоножка!

— Велоножка! — поправил кто-то, и все засмеялись и стали смотреть на Васькины ноги и похихикивать.

Васька наклонился и осмотрел свои ноги. Ему показалось, что они и правда стали какими-то не такими, как были раньше. Он толкнул к Петьке велосипед, предложил:

— Петь, бери ты, езжай.

— Дюже нужно, — отказался Петька. — Я так, пешочком.

Васька другим ребятам предложил велосипед, но никто его не взял. Тогда он отвёл машину домой и пешком направился к лесу, куда ушли ребята...

ЛИШНИЕ РУКИ

Петька воспитывался в старых деревенских традициях. Спал он с весны и до осени на попонках, потому что летом не всегда успевал с мытьём ног, а ложиться на белые простыни в таком виде — надо не иметь на плечах головы.

Кроме того, ему не позволялось надевать разом майку с рубашкой, так как лишняя одежда связывает и мешает развитию и росту. Ещё его не принуждали подпоясывать штаны, чтобы он не забывал на бегу придерживать их рукой и тем самым развивал память и держал себя всегда под контролем.

Всем этим традициям Петька охотно подчинялся, но с одной смириться никак не мог: штаны ему всегда без карманов шили...

— Опять без карманов, — плакал Петька.

— Да зачем тебе карманы-то? — спрашивали у него мать с бабушкой.

— А куда я класть буду ножик с рогаткой? У всех ребят карманы...

— Глупость одна рогатки таскать за собой, — уговаривали его. — Ты дома в ворота постреляй и оставь. А с собой носить — беду наживать.

— А хлеб куда класть?

— Хлеб дома надо съедать. На ходу-то одна скотина жуёт.

— Я могу и на ходу, — канючил Петька. — Мне некогда за столом сидеть!

— Посидишь. А чему некогда, то всегда подождёт.

И когда наступало время ежедневной беготни по улице, Петька бегал в новых штанах без карманов. Но однажды приехал дядя Толик и привёз с собой много разных брюк.

Ни узенькие, в бляшках, заклёпках и нашивках кожаных с картинками, ни широкие, словно юбка со старой цыганки, ни тренировочные брюки не понравились Петьке. А приглянулись ему шорты, коротенькие брючки, все в карманах и карманчиках. Тайком от Толика он примерил их, но они ему были широки и длинны. Как добыть себе такие шорты? Петька задумался об этом так сильно, что ко всему другому потерял интерес.

Лето шло, бежало, катилось вперёд колесом. В колхозе наступила жаркая пора сенокоса.

Дядя Толик щеголял в своих шортах, а племянник тайком любовался ими, сильно страдая от зависти.

И всё-таки Петька нашёл выход из положения. Как-то утром отец, уходя на работу, предупредил всех, что наточил топор, — надо быть осторожным, если кто надумает колоть дрова.

Оставшись один, Петька сразу же побежал к сараю проверить, так ли это на самом деле. Топор был острым, Петька не заметил, как переколол полполенницы дров. И вот тут-то ему пришла в голову мысль укоротить свои брюки, сделать из них шорты.

Петька осмотрелся вокруг. К дому никто не шёл, не ехал. Он проворно снял бескарманные штаны, положил их на пень, поплевал на ладони и жажнул топором так, что насилу вынул его из пня.

Шорты получились что надо, не было лишь карманов. Но Петька знал, как изобрести и карманы. Он взял отрубленные штанины и пристегал их нитками к шортам. Получилось красиво, и захотелось сразу показаться всем. Петька закрыл дом, вышел за порог, засунул руки в карманы и пошёл важно от дома по деревне.

Не успел он, однако, дойти до деда Пальчика, обсудить с ним это событие, как увидел запыхавшуюся бабуку.

— Дед, — кричала она на бегу, — беда надвигается! Бей тревогу! Ураган идёт!

Дед Пальчик окинул взглядом небо. Туч нигде не было, но дед направился к железке и забил в неё, словно при пожаре, часто и тихо, а потом громче и громче.

Первыми на зов приехали председатель колхоза и бригадир.

— Ураган идёт! Клевера попортит, — сказал дед Пальчик.

Деревня пришла в движение. Все, кто были ходячими, потянулись к мастерским. Председатель стал распределять народ, а бригадир покатыл по домам за вилами и граблями.

Петька смотрел на суматоху. Ему было смешно видеть, что люди чего-то испугались. На клевера понеслись машины, подводы, покатали трактора. Никто не обращал внимания на Петьку, который расхаживал, не вынимая рук из карманов. С пруда прибежали ребята. Но и они не заметили Петькиной обновы. И даже дядя Толик не удивился и ничего не сказал. Бригадир объехал деревню и снова подкатил на машине к мастерским, забрал всех мастеров: кузнеца — от наковальни, токаря — от станка, слесарей, монтажеров. Петька не выдержал, подошёл поближе к бригадиру и сказал:

— А мне можно с вами?

Бригадир взглянул на него с усмешкой, ответил:

— Руки греть в карманах и тут хорошо!

Петька такого ответа не ожидал. Его всегда охотно брали на многие дела, а теперь почему-то отказали... От обиды он был готов заплакать.

Выручил Петьку дед Пальчик. Он попросил его вынуть руки из карманов, подвёл к бригадиру и сказал:

— Михалыч, возьми и этого гуляку. Всё лишние руки будут, на что-нибудь да сгодятся.

— Давно бы так, — ответил бригадир. — А то взяли моду руки прятать с таких-то пор.

Петька вскочил в кузов, и машина покатила на клевера, где уже кипела работа.

... Долго Петька по полю ходил как неприкаянный, вынул руки из карманов, но не знал, к какому делу их приложить. Вдруг бригадир взял его за плечо и подвёл к лошади.

— Дуй, Петруха, к деду Пальчику, спроси, откуда ураган идёт. Как стога ставить?

Петька обрадовался, вскочил на коня и помчался через клеверище к мастерским. Увидев деда Пальчика и бабу, он ещё издали закричал:

— Баб, Михалыч спрашивает: откуда ураган идёт, как стога ставить?

Бабка подумала и ответила:

— На Рязань торцами пускай располагают. От Рязани подует.

«ТЯЖЕЛОВОЗНЫЙ» ПАЦИЕНТ

Родни у Петьки было — не счесть. Жила она и в городах, и в сёлах. И разные дела делала его родня. А в Маленках жил дядя Прохор и работал ветеринаром.

У дяди Прохора была лечебница, куда приводили телят, жеребят лечились с ягнятками, и лошади, и коровы. Петька очень любил помогать дяде Прохору, а однажды даже сам вылечил мерина Победителя, который был ловозом. Дело было так.

Шёл Петька по деревне утром. Люди на работу разошлись-разъехались. Лошадей всех рабочих разобрали, а Победитель остался с молодняком на выгоне. Это очень удивило Петьку, ведь Победитель каждый день работал без отдыха и выходных, возил на телятник зелёную траву. Петька свернул с дороги на выгон и подошёл к табуну. Конюха близко не было, и Петька внимательно осмотрел Победителя. Он сразу заметил, что мерин прихрамывает на переднюю левую ногу, что её разнесло опухолью. Было ясно — тяжеловоз заболел.

Привёз Петька бабкино указание, да спохватился, что не спросил, откуда ей про ураган известно, уж не колдунья ли она?

Бригадир Михалыч, узнав об этом, засмеялся.

— Она дома сидит целыми днями, по радио прогноз слушает. Было такое сообщение!

К вечеру в поле выросли клеверные стога, к Рязани торцами встали. Узнал Петька, как сено надо ставить от урагана. Только не мог понять, почему дед Пальчик послал его на клевера, чтобы там лишние руки были.

— Как понимать «лишние», — объяснил потом дед Пальчик. — Другой не находит своим рукам дела, они ему и мешают, лишними бывают. А когда работа горячая, рук не хватает, лишние всегда пригодятся!

Ураган прошёл ночью, стога потрепал, но разрушить не смог. Об этом Петьке рассказала бабушка Анюта, когда утром принесла ему новые штаны без карманов...

Петька тут же побежал к дяде Прохору, сообщил ему о Победителе.

— Доставляй его сюда, — велел дядя Прохор и дал Петьке уздечку.

— Дядя Прохор, а мне верхом на нём ехать или как? — спросил Петька.

— Как сам рассудишь. Осмотри, что с ним, взвесь!

Петька не понял, кого надо взвесить, и решил, что себя: можно ли с его весом после осмотра садиться на Победителя? Он ещё раз осмотрел мерина. У того под копытом была мокрая рана с нарывом, и от неё шла опухоль.

«Не буду садиться, — решил Петька. — Так поведу».

У лечебницы он встретил конюха, который докладывал дяде Прохору, что кто-то взял без спроса повозку и проехал по старым доскам, где мерин наступил на ржавый гвоздь.

— Гвоздь в ноге остался? — спросил дядя Прохор.

— Этого не знаю, — ответил конюх.

— Надо бы знать. Работая с лошадей, надо все боли её знать.

— Я же не ветеринар, — ответил конюх.

— Ты больше, чем ветеринар, — возразил дядя Прохор. — С такой болезнью мог бы справиться сам. Петро, — сказал дядя Прохор Петьке, — возьми овса, дай Победителю и промой рану. Будешь лечить сам до конца. Пойдёшь в конюхи — сгодится наука.

Петька знал, где спринцовка и разные инструменты, которыми промывают раны. Он не раз помогал дяде

Прохору, за дело взялся без расспросов.

Победитель ел овёс. Петька поднял его больную ногу, положил на подставку и промыл рану. Победитель стоял смиренно, лишь смотрел на него, когда он задевал больное место. Петька знал, что Победитель самый смиренный из лошадей, но всё-таки боялся его.

Дядя Прохор заметил это, подошёл поближе, деловито спросил:

— Как дела, помощник?

— Вымыл, — сказал Петька.

— Не вымыл, а промыл. Раны промывают, — поправил дядя Прохор и присел на корточки. — Да, гвоздь здесь, с собой захватил. Вот жадный мерин. Ну, будем тащить.

Он послал Петьку за инструментом, сам ощупал рану, но потом снова уступил место своему ассистенту.

— Продолжай, — сказал дядя Прохор. — Берись за гвоздь и резко вырывай вон.

Петька взял блестящие щипцы и поднёс их к ноге Победителя. Мерин, словно испугавшись, потянул ногу и поставил её на землю.

— Э-э-эй, — закричал Петька, — куда же ты? Я ещё не ухватился! — Он снова поднял ногу Победителя на подставку и взялся за щипцы.

— Вижу, один не справишься, — сказал дядя Прохор. — Давай помогу.

— Смирный был, а потом... — пробормотал Петька.

— А потом устал, — перебил дядя Прохор и стал держать на весу раненую ногу Победителя. — Орудуй быстро и смело!

Петька крепче сжал щипцы, но руки у него тряслись, и он никак не мог захватить гвоздь.

— Ветеринар из тебя не получится, — сказал дядя Прохор. — Боишься, как будто увечить собрался животину. Ты же лечишь её, облегчаешь страдания. Чего же волноваться?

— Да, а ему будет больно, — сказал Петька.

— Если не вытащишь гвоздь! — ответил дядя Прохор. Петька закрыл глаза, сжал сильно веки, потом открыл, вдохнул полную грудь воздуха и нацелился на гвоздь. Руки теперь не дрожали.

Он рванул гвоздь так, что плюхнулся на землю. Победитель лишь оглянулся и слегка махнул хвостом, как будто отогнал муху.

— Перестарался, — засмеялся дядя Прохор. — Теперь смажь рану, задай больному корму — и ступай по своим делам! Есть какие дела-то?

— Есть! — ответил Петька. — Много! — И побежал к другу Ваське.

ГРИБНАЯ АЛЛЕРГИЯ

Грибную науку Петька освоил с помощью своих бабушек. Они-то знали и время сбора грибов, и места, и какие грибы съедобны, а какие только для смущения глазам растут. Знали они и как надо искать, и как собирать грибы.

Бабушка Анюта говорила Петьке:

— Ты, внучек, в лесу ищи только грибки. На бабочек да козявочек не засматривайся. Цвету причудливому не кланяйся, а отпускай поклоны только настоящему грибку. И не гуляй по лесу, а бегай: дальше пробежишь — корзинка полнее будет. — И ещё многому она учила Петьку, например: еду в лес с собой не брать, потому что только и будешь думать, где и когда присесть да проглотить припас, а ещё говорила, что умываться перед лесом не надо и с вечера надо ложиться спать в той одежде, в которой пойдёшь в лес.

У бабушки Насти была своя наука. Она учила Петьку:

— Утром перед лесом надо чисто-чисто умыться личико, чтобы глаза от сна це туманились. К лесу надо поспешать, а потом степенно ходить и смотреть внимательно под каждую веточку: гриб сам на глаза не выйдет. Без труда его тоже не возьмёшь. Если после сна желудок требует пищи, то позавтракай, а нет — с собой в корзинку положи хлебушка да огурчик. В лесу, как подумается о еде, остановись и съешь всё.

Первое время, следуя советам бабушек, Петька не приносил грибов. А потом наловчился. То пронесётся быстро по всему лесу, то как улитка ползает у кустов. Спросят у него:

— Петька, ты что так несёшься?

— А тут грибов нет, — ответит он. В другом случае спросят:

— Петька, ты что на одном месте топчешься?

— Грибы собираю, — ответит он. — Тут их много.

И всегда приходил из леса с полной корзинкой. Мальчишки говорили: «Петька везучий». А дома говорили, что он весь в своих бабушек.

О болезни такой — грибной аллергии — Петька тоже узнал от бабушек. Пришёл как-то он в гости к бабушке Насте. Она обрадовалась, бросила все дела и — к Петьке.

— Внучек ты мой хороший, пришёл! По бабушке соскучился?

Приготовила ему обед, а на последнее, на закуску, поставила знакомый с давних пор горшок с пенками.

— Отобедаешь, письмо с тобой напишем, — сказала. — Случай такой, что надо пограмотнее составить письмо-то.

— А какой случай? — спросил Петька с набитым ртом.

— Важный, — ответила бабушка. — Ты не спеши, ешь, а потом от тётки Веры дам прочесть тебе письмо и ей ответим.

Петька отобедал, обтёр рукавом губы, сказал:

— Давай, бабушка, читать буду и писать ответ.

Он прочитал: «Здравствуйте, мои дорогие родные!» А дальше чтение не поддавалось. Пык-мык — и остановка. Бабушка знала письмо наизусть и подсказывала чтецу непонятные слова.

— Бабушка, а зачем читать-то? Ты всё знаешь уже так.

— Мало ли что я знаю. Для освежения памяти лишний раз надо прочесть. Письмо-то не какое-нибудь, а важное. Ответ надо составить ладный. Они зовут погостить, а я занедужила. Надо им об этом написать.

— Как занедужила, бабушка? — спросил Петька.

— Захворала, внучек мой. Аллергия у меня. Ноженьки мои отяжелели и рученьки набухли, не поднять.

Письмо Петька писал долго. Бабушка не говорила, где надо ставить запятые, точки, вопросительные и восклицательные знаки. Петька решил вообще никаких знаков препинания не ставить, а в конце письма приписать несколько строчек одних знаков — и пусть там сами их расставляют, а если их не хватит, то в другом письме можно добавить.

Писал Петька, не отрывая глаз от бумаги. Бабушка наговаривала ему строчку за строчкой.

Вдруг он остановил руку и поднял голову.

— Бабушка, а как писать болезнь? — спросил он.

— Я же тебе говорю, — ответила бабушка. — Болезнь — аллергия.

— А сколько «л» надо: две или одну?

— Сначала «а», потом «л» идёт следом. А сколько их — кому знать об этом? Пиши, сколько напишется. Хоть три поставь. Лишней не будет. Они там грамотные, разберутся.

— А ты неграмотная? — спросил Петька.

— Для себя грамотная, а на всех мало моей грамоты, — ответила бабушка. — Пиши, стало быть: «Обрадовали вы меня приглашением, а приехать я не сумею, болезнь у меня, аллергия. Приезжайте к бабке на молоко, порадуйте старую».

... Утром бабушка разбудила рано Петьку, покормила холодным завтраком и повела в лес за грибами.

Трава была в густой росе, вся сизая от её капелек. Петька хотел спать и отставал от бабушки. Она понукала его идти быстрее, а он не владел собой: и руки, и ноги, и голова двигались отдельно друг от дружки. Ноги ленились, руки прятались в карманы, а голова дремала. Но скоро вышло большое и горячее летнее солнце. Петька запрыгал по тропинке на одной ножке, обернулся и спросил:

— Бабушка, а ты говорила, что ты больная, а сама идёшь в лес.

— Такая у меня болезнь, — ответила бабушка, улыбаясь. — Грибная аллергия. Разве они отпустят куда, грибки-то! Никуда не отпустят...

БАРАН БЕКА

Однажды дядя Прохор зашёл в Петькин дом с необычной ношей, расстроенный. За пазухой он принёс ягнёнка.

— Несчастье у нас, — сказал дядя Прохор Петькиной матери. — Три овцы пали. Чемерица в сене оказалась, отравились. Пять ягнят сиротами остались. Четырёх пристроил на выкорм, а этого вам решил подкинуть.

— Разве у меня есть время возиться с ним? — сказала Петькина мать. — Надо бы отнести, где бабки в доме. Это их занятие.

— Я думал, у вас овца окотилась, подпустит его к себе... — сказал дядя Прохор. — Может, отнесём в хлев, посмотрим?

Петька тогда ходил в первый класс. Он сидел за столом и скучал над букварём, потому что весь его прочитал до школы, а теперь мать всё равно заставляла читать и учить слоги.

— И я пойду, — сказал Петька и направился за дядей Прохором в хлев.

Овца стала бодать принесённого ягнёнка, не подпустила его к себе.

— Напрасная затея, — сказал дядя Прохор. — Придётся идти к другим. Видишь, Петро, как получается. Чужая беда никому непонятна.

— Дядя Проша, а можно, я его буду кормить? — спросил Петька.

— Ты учёбу с ним запустишь...

— Не запущу, — заверил Петька. — Я уже всё знаю.

— Если даёшь слово, то поговорим с матушкой, разрешит ли она.

... Петька выпросил себе ягнёнка, назвал его Бекой и стал приучать к молоку из бутылки.

Бека не хотел сперва пить коровье молоко. Петька раскрывал ему губы, вставлял соску и поил. Мать, помогая, сокрушалась, что навязал он ей лишние заботы. Сам не справится, придётся заменять его, а назад не отнесёшь: дядя Прохор скажет, что не сдержал обещания.

— Справлюсь, — говорил Петька. — Он, когда проголодается, сам попросит молока.

— Баран тебе попросит, — отвечала мать. — Это же не котёнок.

— Придумаю что-нибудь, — не сдавался сын.

Но придумать что-нибудь было трудно. Ягнёнок не хотел лежать на печи в тепле, в постели, нравилось ему только быть у своего воспитателя на руках.

— Связал ты теперь себя по рукам этим Бекой, — говорила мать. — И нужен он тебе?

— Развяжусь. Это он, пока маленький, на руках любит.

— А подрастёт — и на плечи сядет.

— Я его на ремешке водить буду, как щенка, — отвечал Петька.

— Не смехи народ. Кто овец на ремне водит? Вон к стаду приучай его.

*

Потянулись дни., Шла к концу зима. Ягнёнок подрос, но хлопот у Петьки не убавилось: лишний раз не выбраться из дома, не покататься с гор, всё с Бекой да с Бекой. Ребята уже дразнилку сочинили:

Жил-был Петька,

Жил-был Бека.

Бека скушал человека.

Из-за этого Петька подрался в школе. Он умел постоять за себя. У него дело важное, а они его дразнят...

В это время за отличную учёбу Светлана Андреевна пересадила Петьку из первого класса во второй. Дел стало совсем невпроворот. Надо было что-то придумывать. Бека уже привык брать соску сам, но бутылку приходилось держать. Чтобы освободить руки, Петька попробовал привязать бутылку с молоком к ноге и делать разом два дела: учить уроки и кормить Беку.

Ягнёнок обрадовался этой придумке, хватался за соску, вставал на коленки и пуще прежнего крутил хвостиком, а потом принимался бодать Петькину ногу.

Тогда Петька взял тулуп, накинул его на скамейку шерстью вверх, привязал под скамейку бутылку и подвёл к ней Беку. И Бека признал скамейку!

Весной Беку отправили в стадо. Весь день ягнёнок ходил с колхозной отарой, а вечером Петька забирал его домой. Но однажды Петька заигрался, не встретил Беку и шёл к дому один. Вечер был тёплый, тихий. Солнце уже село за горизонт, замолкли птицы. Петька тихонько насвистывал песенку. И вдруг услышал за собой топот. Он обернулся. На него скакал вприпрыжку Бека.

Петька не успел отскочить в сторону. Ягнёнок бухнул его так, что Петька шлёпнулся в траву.

— Бека, это же я, — проговорил Петька. — Не узнал ты меня? — Ягнёнок попятился назад и снова грозно понёсся на хозяина.

— Бека! — крикнул тот и прыгнул в канаву. Ягнёнок перелетел через канаву, растянулся и жалобно заблеял. Петька привстал.

— Эх, глупый ты бараша, — заговорил он. — На кого же ты бросаешься? На своего хозяина!

Бека задрал нос, поводит им, потянул воздух и снова попятился для разбега.

— Опять?! — сказал Петька, падая в канаву.

— Бе-бе, — проблеял Бека и шлёпнулся рядом с ним.

— Бека, Бека, *на кого же ты нападаешь? Я тебя молоком поил. Вспомни, — причитал Петька. — Если бы знал, что ты бандитом будешь... Бе-ека.

Петька сел. Ягнёнок ткнулся ему в грудь, тяжело задышал.

— Вот видишь, как наморился, а из-за чего? Я с ребятами не могу разве поиграть? Ты один теперь привыкай ходить домой. Ты большой стал.

Петька выбрался из канавы. Ноги и руки горели от крапивы, саднила коленка. Бека выпрыгнул за хозяином, толкнул его лбом и попятился опять на разбег.

— Ну, Бека! — произнёс Петька и дал такого стрекача до дома, что Бека не догнал его своими большими прыжками и от обиды рухнул тугим бараньим лбом в дверь, растворил сени и принялся искать хозяина в доме. Петька вскочил на кровать, а Бека, встретив вдруг самого себя в зеркале, строго проблеял и с разбегу боднул зеркало.

Всё это произошло так быстро, что Петька и не заметил, куда исчез баран. Лишь слышалось где-то глухое буханье, а на полу поблёскивали осколки стекла. Петька выбежал на улицу, осмотрелся. Беки не было. Он позвал мать... Беку нашли в платяном шкафу.

— Ну, вот, вот вырос наконец-то, — приговаривала мать, вытаскивая Беку из шкафа. — Сейчас к дяде Проше тебя. Он утихомирит твоё буйство. Поведём, Петюшка. Не хочет признавать хозяина, пусть на волю отправляется.

— Жалко, — проговорил Петька. — Это он обиделся на меня за то, что я его не встретил.

— Нет, не поэтому. Вырос он, большим стал, бодаться ему надо, — ответила мать. — Теперь тебе с ним не сладить.

Дядя Прохор забрал Беку в колхозную отару, а Петьке пообещал за работу выдать от колхоза премию. Только не сказал, какая будет премия и когда.

Но Петька и не думал об этом, некогда ему было забивать голову пустяками.

ТЬМА-ПЕРЕТЬМА

В старое время старики любили рассказывать разные легенды. Живёт-живёт какой-нибудь дедушка, на работу сил уже не хватает, а без дела сиднем сидеть не будешь: человеку, хоть старому, хоть малому, нельзя без дела — он и рассказывает разные истории, которые легендами называют.

Сидит дедушка где-нибудь на завалинке, возле него внуки на земле стёклышки да черепаешки выковыривают, глядят через них на свет, на солнце и дедушку заставляют полюбоваться, как в разноцветных стёклышках мир меняется, разноцветным становится. А дедушке и так всё красивым видится. Жизнь-то он прожил спешно, ни на что насмотреться за работой толком не успел.

Любуется дедушка и травкой зелёной, и цветком-одуванчиком, и бабочкой пестрокрылой, и птичкой; спешит, спешит наглядеться на всё земное, пока смерть глаза не закрыла, не смежила веки, а к нему внуки со стёклышками пристают.

— Э-эх! — вздыхает дедушка и говорит: — И что это вы мне покоя не даёте? Видел я на своём веку и красное, и зелёное, и тьму-перетьму видал...

Заговорит дедушка, и разом детишки вокруг него усаживаются — много их соберётся — и вздохнут на страшном слове: «Тьма-перетьма!»

Кто посмелее, спрашивает:

— Дедушка, а в тьме-перетьме живут?

— Живут, — ответит дедушка и добавит: — Только кто живёт-то: нечисть...

Ребят страх охватывает, жмутся они к дедушке поближе, а он рассказывает:

— Было однажды... На небе-то ни звёздочки, ни искринки. На земле ни дороги не разглядеть, ни тропки не увидеть, а оттуда, от соседнего села, полем-пашней огненное колесо катится. Эко с горы да по деревне мимо окон несётся — стены дрожат. Народ в избы прячется, из щелей выглядывает. Колесо-то о двадцати четырёх спицах...

— О двадцати четырёх! — охают ребятишки.

— Истинно так, — подтверждает бабушка и продолжает свою легенду: — Катится оно, камень минует, над колдобиною по воздуху проносится, ни останова ему, ни задержки. От спиц сияние яркое, глазу слепота. Руку протянешь — обжигает...

— О-ох! — пугаются ребяташки.

— Деревней пронесётся оно и на искры рассыпается. ..

— И дома поджигает? — спрашивают шёпотом ребяташки.

— Домов не поджигает, а на искры рассыпается, — отвечает бабушка.

— А потом что?

— А потом опять тьма-перетьма, — отвечает бабушка... Так вот и занимали ребяташек старые люди.

*

А в Маленках долго-долго жил на свете дед Тентель. Много раз рассказывал он внукам, потом правнукам, а потом праправнукам о тьме-перетьме, то о колесе самокатном-огненном, то о дуге скачущей, о корыте, летящем по небу. Однажды он и говорит:

— Сколько раз видал я разные страсти, да все они в тьму-перетьму появлялись, а чтобы днём при солнышке что-нибудь пронеслось — такого не бывало, и не будет.

Стоило ему произнести эти слова, как на деревенской улице загремело — и колесо зелёное появилось.

Смотрит дед Тентель на зелёное чудо, спрашивает:

— А не тьма-перетьма ли сейчас, праправнучки мои?

— Нет, бабушка, сейчас день ясный.

— А как же колесо-то колдовское морочится дорогой по дню?

— А ты не бойся, бабушка, — отвечают ребята. — Это Петька агрономов на своей самокатке. Сам сделал и пылит по деревне.

— Петька-то праправнук мне, — сказал дед Тентель, — а то и прапрапраправнук. Уж и не помню. Ох-хо-хо! Зажил я. Про тьму-перетьму рассказываю, а её и нет давно. Пойду от вас в дом. Помирать, видно, мне пора.

— А легенды нам, бабушка? — запросили ребята. Петька подкатил к ним, остановился.

— Легенды сами рассказывайте. Вот вам она, легенда, — сказал дед Тентель.

— Нет, это самокат Петькин, — зашумели ребята.

— Ну, а коль не легенда, то пусть он вам её и придумает, — показал дед на Петьку. — Он справится с этим делом.

Петька заломил кепчонку, запустил пальцы в волосы и стал думать, какую легенду рассказать ребятам, с тьмой-перетьмой или без неё. И решил — без неё.

ПЕТЬКИНА ЛЕГЕНДА

Вот что рассказал он ребятам.

— В одной деревеньке жил-был мальчик Еремейка. Так звали его, когда он был совсем маленький, а подрос, стал сам ходить по земле, нашёл себе товарищей для игр, ему дали прозвище — Неумейка. Нет-нет, он всё умел делать, просто мальчишки — сочинители, и присочинили они к имени Еремейка — Неумейка.

И стал он — Еремейка-Неумейка.

И когда в ссорах дразнили мальчишки Еремейку, он обижался на друзей-товарищей, уходил от них и играл один.

Обида на мальчишек проходила скоро сама собой, но он так увлекался своими играми, что забывал обо всех и целые дни проводил в одиночестве.

Забывали о ссоре и Еремейкины обидчики и сами приходили к нему, приходили звать его в свои игры. Но Еремейку дома они никогда не заставали. Еремейкина мама говорила, что и сама не знает, где их дружок да что делает. Мальчишки тогда кричали в обиду: «Неумейка! Неумейка!» И убегали устраивать буйные игры.

Однажды, когда была весна, таял снег и по дорогам текли ручейки, мальчишки увидели Еремейку на улице, подошли к нему и застыли в удивлении. Он стоял у ручейка, а на ручейке... На ручейке мельничное колесо крутилось, а на маленькой башенке колокольчик позванивал. Долго никто слова произнести не мог. Засмотрелись мальчишки на Еремейкину меленку и не заметили, как на дорогу трактор выполз и гусеницами смял меленку. Тракторист открыл кабину и закричал, что на дороге не стоят с разинутыми ртами.

— Сделай, Еремейка, сделай новую меленку, — стали просить ребята. — Мы не насмотрелись, как она крутится. Мы ещё послушаем звоночек!

— Я не знаю, как её теперь делать, — ответил Еремейка и отказался изобретать чудесную меленку.

Не поверили ему мальчишки, обиделись и опять оставили его одного.

А тем временем растаял снег, отшумело половодье, травка зелёная проросла из земли, сады отцвели. На зелёном выгоне мальчишки увидели Еремейку с новой чудовинкой в руках. Стоит он и вверх на белое облако смотрит, словно решил взобраться на него и ждёт, не спустит ли кто ему с этого облака верёвочную лесенку.

Подошли мальчишки к Еремейке. Он поднял над головой чудовинку и дёрнул за шнурочек. Рыкнули, скрипнули колёсики, что-то оторвалось от гремучего ящичка и улетело на облако. Долго мальчишки на облако глазели — всё ждали, когда оттуда вернётся штуковинка. Не дождались. .. И ещё больше рассердились, стали обзывать Еремейку Горемейкой. А потом отстали от него и своими буйными играми занялись: травы вытапывали да кусты выламывали.

Однажды они увидели, что на луг деревенский народ повалил, словно на пожар какой. Вот все бегут-поспешают. У кого ни спросят парни, что там такое случилось, — им только рукой махнут в ответ: «Некогда с вами, бездельниками. Сами пойдите да посмотрите, что там такое. Чудо каждый своими глазами должен видеть».

Привалили и парни на луг, делать нечего. И снова видят они Еремейку. Идёт он по лугу, а перед ним сам собой сундучок ползёт, траву под себя подбирает и оставляет её рядом скошенной. В руках у Еремейки ящичек с

кнопочками. Нажмёт он на белую кнопочку — сундучок вперёд движется, от чёрной кнопочки останавливается. Люди следом за Еремейкой идут, диву дивятся. Каждый траву скошенную поднимает, рассматривает. Не видали чуда такого, чтобы свой деревенский парень такую машину полезную придумал. А ровесники Еремейкины в этот раз не удивились.

— А, этот Еремейка-Неумейка сенокоску в сундук посадил, — сказали они. — Кто не видал комбайна с сенокоской, тому его занятие в диковинку, а нам тут смотреть не на что.

*

И вот прошли годы. Еремейка много разных механизмов напридумывал. Ветер у него огород поливал, в баню воду подавал, дрова пилил; солнце воду кипятило, дом обогревало, обеды варило.

Было у Еремейки и забав разных много: метла сама тропинки разметала, сани-самокаты сами в гору катились, через реку Еремейка пешком переходил, на любое дерево он мог без рук, без ног подняться — сядет на дощечку и поедет себе.

Пришёл день, когда Еремейке со своими одногодками предстояло на солдатскую службу отправляться. Все гульбу устроили, песни распевают, а Еремейка выкатил из сарая чудо-воздухолёт, простился со всеми и унёсся в небо с быстротой молнии.

Дружки рты раскрыли, стоят и смотрят на остывший Еремейкин след в небе и к нужному часу на солдатскую службу чуть не опоздали. А когда прибыли на место назначения, спросили у военного:

— А где же Еремейка-Неумейка?

— Еремейка-Всеумейка давно уж на службе, — ответил военный. — Он теперь на Марсе службу несёт.

— На Марсе?! — удивились Еремейкины одногодки и раскрыли рты от удивления.

Прошло опять много лет. Еремейка вернулся в свою деревеньку, стал новые машины делать, которые и поля вспахивают, и хлеба убирают, и дороги ровняют, а его дружки-одногодки всё на Марс смотрят с раскрытыми ртами. Смотрят они в небо, а галки в их ртах гнёзда выют и птенцов выводят.

*

Петька закончил свою легенду. Ребята долго молчали, а потом Васька Колачёв спросил:

— А как же птенцы во рту помещаются? Рот-то маленький!

— Он у маленьких маленький, — ответил Петька. — А они большими стали, и рты у них выросли.

— Нет, всё равно неправда, — сказал Васька. — Это ты выдумал.

— Ну и что! — зашумели ребята. — Сам не можешь рассказывать — и не перебивай других.

Ребята заспорили, а Петька тихонько удалился от них: вспомнил, что ему было велено ещё телёнка напоить...